

Даже ведьмы умеют плакать

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Даже ведьмы умеют плакать

Анна и Сергей Литвиновы

Однажды юная Лиза Кузьмина, работающая маркетологом в крупной компании, вдруг с ужасом убеждается, что ее мысль материальна. Разозлившись на начальника, Лиза в минуту ярости проклинает его – и уже через полчаса шефа с сердечным приступом увозит «Скорая помощь». А дальше – больше: она, кажется, начинает понимать незнакомые ей языки и читает мысли случайных попутчиков... Девушка в ужасе: что с ней происходит? Может, виной тому визит к колдуну? Лиза обратилась к нему, чтобы приворожить красавца-сослуживца. Или ее дар – «наследство» от двоюродной бабушки, которая умела предсказывать будущее и излечивать даже самых безнадежных больных? Но жизнь бабушки закончилась трагически, а Лиза молода, красива, влюблена – и ей совсем не хочется повторить чужую судьбу. Однако и с новым талантом, открывающим перед ней неограниченные возможности, расстаться она не в силах...

Анна и Сергей Литвиновы

Даже ведьмы умеют плакать

А.В. Гредасову с любовью и уважением

ПРОЛОГ

Убивать не надо.

Убивать не велено. Просто покалечить, и все. Ну, и припугнуть, конечно.

Объект проживал – удобней некуда. В серой девятиэтажке без консьержки и даже без домофона. И возвращался он каждый день домой примерно в одно и то же время – около девяти.

В апреле в этот час уже темно. Фонари светят тускло. Однако все ж таки светят, и из неприметной «девятки» с тонированными стеклами исполнитель прекрасно видел вход в подъезд.

Ожидание оказалось недолгим.

Вот он, объект. Идет не спеша. Дома его ждет жена, ужин и чай.

Дубленочка нараспашку, кожаным портфельчиком помахивает. Буржуй. Сволочь. Давить надо таких гадов, и безо всяких денег. Ну, а за деньги – еще приятней. Двойное удовольствие в одном флаконе.

Исполнитель натянул шерстяную маску на лицо. Совсем не обязательно, чтобы его потом опознали. Тем более что дело это у него не первое – а сколько еще предстоит!..

Как только объект открыл дверь в подъезд, исполнитель выскочил из машины. Захлопнул дверцу и быстро, быстро – к подъезду. Темно, никаких прохожих вокруг. И никакой возможности опознать его – у тех, кто, может быть, случайно смотрит из окон: просто мелькнула серая тень, и все.

Исполнитель вбежал в подъезд, когда объект уже поднялся к лифту. В три прыжка преодолел ступеньки. Объект стоял спиной и даже не услышал, не обернулся.

Короткий удар дубинкой со свинчаткой – по шее слева. Там болезненное место. Очень болезненное. Объект ошеломлен. Он даже не понял, что происходит. Он инстинктивно хватается за шею и изумленно оборачивается. Тут же – удар рукой в перчатке прямо в переносицу. От удара объект отшатывается, сползает по

стенке. Еще один удар – дубинкой по плечу. Мужчина ахает от боли и неожиданности – но не кричит. У него даже не хватает ума кричать. Он опрокидывается наземь. Лежит на спине и только с удивлением и страхом смотрит на исполнителя. И вот тут надо произнести ключевые слова. За них исполнителю главным образом и платят. За них – и за работу, конечно. Исполнитель нагибается к объекту и внятно произносит:

– Это тебе за Ольгу, понял?

На лице объекта – растерянность и страх.

– За Ольгу, понял? – еще раз повторяет исполнитель, наклонившись и схватив человека за горло. Тот испуганно кивает.

На его лице – мольба о пощаде.

Но пощады не будет. За что уплачено – то случится. Исполнитель никогда и никого не подводит. И потому он изо всех сил бьет человека ногой в пах. Каблуком в самое болезненное мужское место.

Лицо жертвы искажается болью. Глаза вылезают из орбит. Из горла рвется нечеловеческий вопль.

Крик еще не успевает стихнуть, как исполнитель выходит из подъезда.

Еще секунда – и он уже за рулем своей «девятки». Неприметная серая машина, номера забрызганы грязью. Поворот ключа, педаль акселератора в пол. Машина срывается с места. На ходу он сдирает с себя маску.

Неплохая работенка. Быстро, чисто и весело. Эффектно и эффективно. Завтра он получит за нее свою тысячу долларов. Заказчик его еще ни разу не подводил. Ему с ним, этим заказчиком, прямо-таки повезло. Очень повезло.

ГЛАВА 1

ЛИЗА. СОН

Лизе снился сон.

И она понимала: это всего лишь сон. Но он был таким невыразимо прекрасным, что Лиза отдала бы все, чтобы это происходило наяву.

Снилась ей вечеринка в роскошных интерьерах: мрамор, золото, живые пальмы, фонтанчики. Бесшумные вышколенные официанты в белых куртках. На Лизе – длинное черное платье с открытой спиной. На груди – нитка рубинов. В руке – стройный бокал шампанского.

А вокруг – расфранченные богатые мужчины и роскошные женщины. И все они – понимала во сне Лиза – и есть ее окружение. Все они знают ее, и уважают, и радостно приветствуют. Подходят. Оглядываются. Обсуждают. Завидуют. И неспроста. Ведь она – королева этого вечера. Вся вечеринка – в ее честь. Что-то Лиза сделала такое, что она здесь главная. Может, международную премию только что получила или в главной роли снялась. Неважно. Главное, что все чествуют ее, и ей улыбаются, и каждый из гостей хочет, чтобы она обратила на него свое благосклонное внимание. И это чувство – что она в центре взглядов, и мыслей, и вожделения – пьянит еще сильнее, чем «Дом Периньон» в бокале. Это чувство взрывается восхитительными пузырьками прямо в сердце, и хочется, чтобы оно длилось и длилось...

Поцелуи, объятия, комплименты, журналисты... Феерический вечер. Грандиозный прием. Но что ее беспокоит? Что заставляет нервно оглядываться, маскировать тревогу обворожительной улыбкой? И почему в ушах все время звенит незнакомый голос, повторяя беспрестанно: «Лиза, ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ!»

Но что же может быть сверх того? Ведь она и так – королева, и весь мир скромно пристроился у ее ног...

И наконец Лиза понимает.

Все дело в НЕМ. В одном человеке из доброй сотни гостей. Он – единственный на всю вечеринку, кто не обращает на нее ни малейшего внимания. Он не подходит к ней, не улыбается, не обжигает руку губами. Лиза вообще не видит его лица, потому что он намеренно стоит, все время отвернувшись от нее, и что-то обсуждает с двумя мужчинами. Но те двое, однако, не забывают бросать на Лизу взгляды, полные восхищения и некоторого смущения (оттого, наверное, что вынуждены иметь дело с этим невежей). Им, кажется, стыдно из-за того, что Лиза видит только мощную спину неуча, его узкие красивые бедра и идеально сидящие брюки. Им неприятно, что их собеседник как будто нарочно избегает Лизиного взгляда.

И тогда Лиза, мило улыбаясь в ответ на восторженные взгляды гостей, решительно идет через зал по направлению к невеже. Тот по-прежнему игнорирует ее и стоит спиной. И вот она подходит к нему почти вплотную, на расстояние вытянутой руки. Она хочет похлопать его по плечу и бросить что-то небрежное, вроде: «Эй, мистер, а как вам вечеринка?» – но внезапная робость останавливает ее. Лиза понимает: она боится увидеть его лицо. А вдруг ей почему-то нельзя его видеть? И в этот момент он сам начинает поворачиваться, медленно-медленно, и в зале как будто дополнительный свет включается. Все гости замирают, ожидая, чем закончится эта сцена. Все взгляды устремляются на мужчину – и Лизу. И в этот момент голос внятно произносит: «Ну, вот и он – кого ты так ждала...»

Сердце у Лизы стучит громко, дыхание перехватывает – и наконец ОН поворачивается, и перед Лизой открывается ЕГО лицо, и Лиза сразу понимает, что это мужчина ее мечты – каким представляла она его во многих видениях и снах. Загорелый, темноволосый, голубоглазый, сильный. Он ласково смотрит на нее и ласково улыбается. И в его глазах написано: без нее, Лизы, ему не жить. Мед, и озорство, и обещание бездны – все в этом взгляде. Он медленно протягивает к ней руку. Он хочет коснуться ее руки, и Лиза знает: это не просто вежливость, и не флирт, и даже не страсть. Его рука, накрывшая ее ладонь, – это навсегда.

И в этот момент... О, нет! Только не это!.. Прекрасное видение разрывают резкие тревожные звуки... О, нет! Боже! Как не вовремя!

Ее рука шарит по тумбочке, желая найти и заткнуть проклятый будильник, но от этого движения она только еще больше просыпается – навсегда, навеки, бесповоротно.

Мужчина Лизиной мечты остается где-то там, в глубине ее подсознания, расколотый на тысячи кусочков безжалостными звуками московского утра.

ЛИЗА. ВСТРЕЧА

Слава богу, в то утро она не опоздала на работу.

Лиза явилась в свой отдел даже раньше Ряхи.

Ряха – или начальник отдела маркетинга корпорации «Стил-Оникс» Аркадий Семеныч Ряхин – пришел на семь минут позже ее, пронес свое жирное тулово и толстую харю через комнату, где сидели сотрудники, к себе в кабинет.

Ряхин никогда ни с кем из подчиненных не здоровался. Он никогда им не улыбался, не говорил комплиментов и никому ничего не дарил на день рождения и другие праздники. Однако в корпоративных сабантуйчиках участие принимал – халявные тортики, которыми проставлялись подчиненные, Ряха исправно поедал. Всегда румяный, толстомордый, он никому не прощал опозданий и заминок в работе и заставлял сотрудников писать бесчисленные объяснительные. При Ряхине – а работал-то он без году неделя – из отдела уволились уже пять человек. Что самое обидное – он никого не уговаривал остаться, а молча подписывал заявление и швырял через стол подавшему. А через три дня за освободившимся столом уже появлялся новичок... Всем своим видом Ряхин демонстрировал, что сотрудники для него не более чем винтики, служащие для достижения его, ряхинских, целей. Подчиненные своего шефа дружно, но тихо ненавидели и называли его за глаза исключительно Ряхой – надо же было господу и предкам наградить человека такой говорящей фамилией! Правда, Мишка Берг взялся было фантазировать,

что Ряхин – прямой потомок булгаковского поэта. Но Лиза даже обсуждать завиральную берговскую идею не стала, потому как поэт из «Мастера», во-первых, звался не Ряхиным, а Рюхиным, а во-вторых, был, на Лизин взгляд, намного симпатичней «потомка».

Ряхин завел правило: каждый сотрудник, собирающийся выйти из комнаты даже на пару минут, должен ставить остальных в известность: куда он идет и зачем. Поэтому теперь, когда Лиза обнаружила, что забыла с вечера сполоснуть чашку из-под чая, она встала и громко объявила, подражая механическому голосу автоответчика:

– Я иду мыть чашку. В туалетную комнату.

Хохотушка Светка прыснула за соседним компьютером.

Слава богу, пить чай и кофе в рабочее время Ряхин пока не возбранял.

Лиза вышла в коридор.

Их корпорация «Стил-Оникс» снимала пару этажей в административном здании умирающего научно-исследовательского института «Сельпроект». Только на Лизиной памяти НИИ усох кабинетов на двадцать, а «Стил-Оникс» – соответственно разбух. Кроме того, Лизина фирма сделала евроремонты в коридорах, на лестницах и подсобных комнатах увядающего института.

Итак, Лиза вышла в коридор – вид озабоченный, макияж не подправленный, грязная чашка в руках тоже шарма не прибавляет, – и тут ноги ее подогнулись.

Он шел ей навстречу.

ОН.

Тот самый.

«Этого не может быть!»

Но как не может, если это – уже случилось!

В двух шагах от нее был МУЖЧИНА ИЗ ЕЕ СНА.

Молодой. Загорелый. Голубоглазый. Темноволосый. Высокий. Мускулистый. С исключительно правильными чертами лица. С широким разворотом плеч. Но главное, конечно, это его глаза. Они такие умные, нежные, понимающие...

Только сейчас ОН был не в смокинге – как во сне, – а в свитере и брюках.

Его рассеянный взгляд скользнул по Лизе – и тут же перепрыгнул на двух хохотушек из бухгалтерии, которые тоже торопились по коридору...

Не заметил! Не обратил никакого внимания! Но почему?!

В первую секунду Лиза опешила и едва не разрыдалась. А потом – взяла себя в руки и поняла: да на что тут обращать внимание, если она в черном свитере, и волосы забраны в хвостик, и бабушка со своей асептикой не дала ликвидировать два свежих прыща на подбородке?

Так что нечего удивляться, что ОН прошествовал мимо. И весь вид его сказал: «Эта девчущка в свитерке довольно мила. Симпатичная маленькая рыбешечка. Но разве для настоящего рыбака такая крошка – это улов?!»

Еще и Лиза вела себя, прямо скажем, как дура: застыла и вылупилась на него, словно на небесного ангела. Ясное дело: ОН одарил ее снисходительной улыбкой падишаха и тут же забыл.

Но что этот мужчина делает здесь?! Кто ОН?!

Минуту спустя, на ватных ногах дойдя до туалетной комнаты и скрывшись за дверью, Лиза утихомирила бешено стучавшее сердце. И лишь тогда сообразила, что ОН, слава богу, не случайный посетитель, который уйдет из офиса через пять секунд. Он – работник «Стил-Оникса»: она успела заметить у него на свитере бейдж с логотипом корпорации и фотографией.

Это открытие наполнило ее буйной радостью.

«Да он, оказывается, свой! – возликовала про себя Лиза. – Ах, так! Ну, значит, он у меня попляшет!.. Пусть только попробует еще раз мимо меня с таким видом пройти! Он, наверное, посчитал, что я всегда с глупым хвостом да прыщами. Да

и этот свитер сидит на мне хуже мешка, давно пора его бабушке отдать... Еще я, дура, встала перед ним как соляной столб! ОН, верно, сразу решил, что я – синий чулок и старая дева... Он же не знал, что обалдела и застыла я не от его неземной красоты, а по вполне конкретной причине. Натуральная ведь мистика произошла: ночью во сне приснился – а утром сам на работу пришел... Но ничего! Как решил, что я – маленькая уродка, так и ПЕРЕРЕШИТ. Хотя хвост и старый свитер – это, конечно, было непредусмотрительно. Не зря ведь психологи учат, что нужно выглядеть на все сто ВСЕГДА, даже если выносишь мусорное ведро... Что ж, сделаем выводы...»

Ничего страшного. Она еще успеет СЕБЯ ПОДАТЬ!

ЛИЗА. ДНЕВНИК

5 апреля 20** года.

Я не вела дневник кучу лет – с тех пор, как была влюблена в выпускном классе в Жеку Долгополова. И вот опять взялась – врать самой себе не буду: из-за НЕГО.

Сегодня у меня весь день все валялось из рук. Буквально и фигурально. Началось с того, что по дороге из туалета я поскользнулась и разгрохала о бетонный пол свою любимую чашку. На звон осколков из отдела соизволил высунуться сам Ряхин. Он мгновенно оценил, что останки чашки разлетелись по всему коридору, и едко прокомментировал мои «изящество и элегантность», а я, все еще не в себе, чуть не назвала шефа прямо в лицо «Мерзкой Ряхой».

Впрочем, бог с ними, и с чашкой, и с Ряхиным.

Главное, что к концу дня я все узнала про НЕГО. ЕГО зовут Николаем, он будет работать у нас в «Ониксе» в отделе продаж, и он НЕ ЖЕНАТ! У него высшее образование (кажется, строительное), он пришел к нам из «Эконики», он на два года старше меня, его электронный адрес Nicola@steel.ru, и... И ОН ДОЛЖЕН СТАТЬ МОИМ! Иначе для чего мне снился сон? Не просто же так?!

Но, если даже забыть про сон – ОН ВСЕ РАВНО БУДЕТ МОЙ! Хотя бы потому, что юные мымрочки из бухгалтерии уже хвастались, что Николай водил их в буфет, веселил анекдотами и купил каждой по двойному эспрессо и по шоколадке.

Сегодня – главным образом из-за дурацкого свитера и прыщей – я решила никаких действий, кроме разведывательных, не предпринимать.

Поспешность тут ни к чему. Сразу видно, что Ник – это не дряхлая крепость с парой пушек и кучкой пьяных солдат, а как минимум – Ля Рошель. Тут нужна длительная и грамотная осада. Но прежде следует разобраться, откуда взялся мой сегодняшний сон. Какие-то силы свыше его, что ли, прислали? Горячий привет от персонального ангела-хранителя?

Вечером я спросила у бабушки (а моя бабушка – самая лучшая подружка, и мы с ней можем обсуждать все, что угодно): «Бывает так: сегодня ты увидишь человека во сне – а завтра познакомишься с ним наяву?»

Бабушка все на свете всегда объяснит. Причем толкует она происходящее иногда с христианских, иногда с фрейдистских, а иногда – с марксистско-ленинских позиций. Но всегда получается очень убедительно, так что я с ней каждый раз соглашаюсь.

В ответ на мой вопрос бабушка, не колеблясь, сказала: «Конечно. Все может быть. Москва – в сущности, маленький город. Наверное, ты этого человека мельком видела раньше – например, когда он к вам на работу устраивался. Вот он и запал тебе в душу. А ночью, когда твое сознание было раскрепощено, он к тебе явился во сне. А потом, наутро, вы случайно с ним опять повстречались».

Скрепя сердце я с бабушкой согласилась. Хотя меня, честно говоря, больше устроило бы не такое марксистско-ленинское, обыденное толкование, а, наоборот, идеалистическое. Типа: «Он назначен тебе судьбой, поэтому и пришел к тебе во сне».

В рассуждении, что надеть завтра, я критически пересмотрела весь свой гардероб. Выбирать, разумеется, не из чего. Одни обноски! Надо срочно совершать вылазку в «Пассаж». Или хотя бы в «Остатки сладки» – там тоже модно, но подешевле. И очень жаль, что к маникюру я записана только на

субботу, а мой любимый лак, перламутровый, с натуральным жемчугом, – благополучно засох. Впрочем, если капнуть в него граммочку ацетона... В общем, голь на выдумку хитра: «авральный маникюр» получился очень даже ничего. Надеть решила мини-юбочку от «Манго» и нахальный красный свитерок от «Ферретти». Мужики – ведь они как попугаи: реагируют на все яркое, обтягивающее и максимально обнаженное.

Завтра – решающий день.

6 апреля 20** года.

Полный провал.

Сначала все шло хорошо. Даже очень хорошо.

Точно как было задумано.

А потом все рухнуло.

Однако, как учат на бизнес-тренингах, и победы, и поражения надо раскладывать на составные части и анализировать. Анализировать сегодняшнее фиаско, говоря по правде, абсолютно не хочется. Но вдруг поможет?

Атаковать Николая я решила за обедом: то есть в тот момент, когда мужчина обычно расслаблен, добр и позитивно настроен.

Благодаря моему неизбывному интеллекту и хитрости в корпоративной столовке я оказалась с НИМ в одно и то же время и даже за одним и тем же столиком.

И только вдвоем.

Однако мое присутствие в опасной близости не произвело на НЕГО никакого впечатления, и он, чурбан этакий, потреблял пищу, обращая на меня не больше внимания, чем на пустой стул.

Я решилась заговорить с НИМ первой.

- Здесь очень вкусная картофельная запеканка.

Не самая удачная затравка для разговора, но я, признаться, растерялась и выпалила первое, что пришло в голову.

Он (не отрываясь от бифштекса):

- М-мм?

Я:

- Да. И блинчики с мясом в нашей столовой тоже хороши.

Он (равнодушно):

- Что вы говорите?

Я:

- Вы у нас новичок.

Он:

- Да.

- А где вы работаете?

- В отделе продаж.

- В отделе продаж у нас самая сильная команда КВН.

(Какую-то чушь я несу, право слово!)

Он (равнодушно):

– М-мм?

– Вообще у нас на фирме очень мощная самодеятельность.

(А эта реплика – уже вообще из какого-то фильма времен застоя.)

Он (рассеянно):

– Что вы говорите?

И снова – над столом повисла пауза. Огромная, жирная, как клякса или как отбивная, которую он ел.

Что мне оставалось делать? Я спешно допила компот и пожелала ему приятного аппетита. Он рассеянно поблагодарил и уставился в стену. Челюсти его мерно работали.

Чурбан! Колода неодушевленная! А я-то старалась, гладилась, рисовала ногти и даже встала на полчаса раньше, чтобы наложить изысканный макияж!

Ясное дело, после столь сокрушительного поражения думать о работе совершенно не хотелось. И я, чтобы отвлечься и переварить проклятый обед, открыла свой электронный почтовый ящик. Увидела плашку «У вас десять новых писем» и понадеялась, что хотя бы в одном из них найдется что-нибудь приятное, интересное, нужное. Но не везет – так не везет. Ничего достойного в моей почте не оказалось – один сплошной спам. Среди рассылки – письмо, приглашающее воспользоваться услугами колдуна: «Приворот навсегда! Гарантия 105 процентов!» Кому нужны колдуны?! И зачем писать заведомый бред про «105 процентов»?

Может, послать ЕМУ письмо? Электронное?

«Я вам пишу, чего же боле?»

Нет уж: будем считать подобную «татьяно-лариновшину» крайним средством.

А может, ОН – голубой?..

Да нет, совершенно непохоже.

Или ему не понравился мой красный свитер?

7 апреля 20** года.

День совершенно ужасный, потому что произошло два крайне неприятных события. А ведь с утра в гороскопе в «Молодежных вестях» я увидела напротив своего знака сердечко, что по редакционной градации означает «любовь и все такое». Но... Ни малейшего проявления любви к себе я сегодня не почувствовала – ни в каком виде.

С утра мой начальник Ряхин созвал совещание для ведущих специалистов отдела – я принадлежу к их числу. Речь на совещании пошла о «долгожданном событии в жизни корпорации» (именно такими словами он и выразился). Под «долгожданным событием» имелось в виду «начало производства нашим концерном обуви под маркой «Анна Усачева». А я-то надеялась, что после моего давешнего выступления эта идея умерла сама собой!

У этой «обувки от Анки» (как называют новинку нелояльные к Ряхе сотрудники – а нелояльны к нему все) имелась своя предыстория. С идеей выпускать сапоги, туфли и тапочки под именем всесоюзной звезды, народной артистки СССР и России Анны Усачевой, носился лично Ряхин. Она (идея) стала прямо-таки его знаменем, когда он пришел к нам в концерн. Ряхин ее лоббировал где надо и где не надо, от кабинетов начальства до столовой, от раздевалок еженедельного корпоративного футбола (Мишка Берг сам слышал!) до сауны с руководством. Основным и единственным аргументом Ряхина была всенародная популярность Анны Борисовны, которая позволит (цитирую Ряхина) «продавать обувь под маркой «Анна Усачева» со скоростью тысяча пар в минуту». А рост продаж «Анны» послужит (опять цитирую Ряхина) «тем мультипликатором, то есть локомотивом, который вытянет продажи других наших брэндов».

На одном из совещаний у высшего руководства я высказалась против идеи Ряхина со всей возможной резкостью. Вероятно, это было ошибкой, но я думала, что наш генеральный, Иван Евгеньевич Филиппов, поддержит меня – он всегда прислушивался к моему мнению.

Я сказала тогда, что брэнд, названный именем той или другой звезды, требует от нее, этой звезды, безупречности во всем – от каждодневного поведения до умения одеваться. В пример я привела торговые марки «Палома Пикассо» и «Ален Делон». А имя Анны Усачевой (заявила я тогда под понимающие ухмылки высшего руководства и злобные косяки со стороны Ряхина), этой всенародной артистки, вечно неряшливой, капризной и толстой, давно стало в народе символом не просто без-вкусицы, но дурно-вкусия. И этот имидж артистки заставляет серьезно усомниться в перспективах продаж обуви под маркой «А. Усачева». Кроме того, звезда, известная своею неуживчивостью и скандальным характером, вряд ли будет покорно участвовать в тех маркетинговых мероприятиях, которые концерну понадобятся для продвижения «ее» обуви. Скорее всего толку от нее в этом смысле вовсе не будет. Можно предсказать, что она своими неуправляемостью и непредсказуемыми действиями способна погубить и зарубить любую марку.

Мой спич имел большой успех среди всего начальства – кроме, разумеется, Ряхина. А Берг, присутствовавший на том заседании в роли безмолвного статиста, шепнул мне после, что Ряха мне этого не простит.

Но тогда мне казалось, что я взяла верх. Ряхинские разговоры об обуви «от Усачевой» сошли на нет.

И вот на тебе!

Сегодня утром Ряха собирает нас и торжественно, чуть не лопаюсь от гордости, объявляет, что «наш концерн начинает производство эксклюзивной обуви от Анны Усачевой!».

Начальник, видимо, ждал аплодисментов – их не последовало.

А взоры всех присутствующих почему-то невольно обратились в мою сторону.

– Руководителем программы продаж новой обуви назначается, – проговорил Ряхин со всем ехидством, на которое только был способен, – Елизавета Кузьмина.

И он сделал торжествующий поклон в мою сторону.

Я постаралась, насколько возможно, сохранить лицо и поэтому склонилась над блокнотом. Потом справилась с собой и спросила Ряхина:

– Хотелось бы ознакомиться с производственной программой по выпуску обуви от Усачевой.

– Ничего нет проще! – провещал Ряха и кинул мне через стол листы, подписанные генеральным директором. – Так что давайте, Кузьмина, подготовьте мне план мерчандайзинговых мероприятий.

– Какая сумма выделяется на маркетинг нового бренда? – проговорила я по возможности спокойно – хотя больше всего мне в тот момент хотелось засветить в жирное, румяное, торжествующее лицо Ряхина чем-нибудь тяжелым.

– Десять тысяч.

Волнение прошло по рядам маркетологов и маркетистов, и я постаралась его озвучить:

– Этого очень мало.

– Этого достаточно, Кузьмина! – с нажимом сказал Ряха.

– На раскрутку нового бренда обычно выделяется от ста тысяч и выше.

– В бизнесе особенно ценятся не инвестиции, а идеи, – иезуитски улыбнулся он. – Настоящий профессионал сумеет сманеврировать и в условиях ограниченного бюджета.

– На нас будет работать само имя Анны Борисовны! – с придыханием выпалила Дроздова, верная прихлебательница Ряхина.

Я пожала плечами:

- Тогда еще вопрос. Разрабатывая маркетинговые мероприятия, в какой мере я могу рассчитывать на участие в них самой звезды?

- Ни в какой. Ведь вы же сами, Кузьмина, утверждали, - ехидненько улыбнулся Ряхин, - что Усачева капризна и неуправляема. Вот и обходитесь без нее.

- Одного упоминания ее знаменитой фамилии будет достаточно! - снова встряла восторженная Дроздова.

- Когда вам нужен план кампании? - спросила я.

- Вчера, - ухмыльнулся Ряха. - И не дай бог вам, Кузьмина, сорвать эту работу.

- И что тогда? - Я с вызовом посмотрела прямо в глаза Ряхина.

- Это будет воспринято как саботаж, - процедил он. - Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

- Может, мне лучше сразу подать заявление об увольнении? - не выдержала я.

- Право на почетную отставку еще надо заслужить, - усмехнулся Ряхин. - А статья о профнепригодности в КЗоТе существует до сих пор... - И потом бросил в адрес народа, с интересом следившего за нашей пикировкой: - Все свободны. Идите, работайте.

В общем, ясно, с какими чувствами я вышла из ряхинского кабинета.

Но потом поплакала немножко в туалете и успокоилась. Подумаешь - свет клином, что ли, сошелся на этом Ряхине и «Стил-Ониксе»? Конечно, получаю я под две штуки баксов плюс страховка и тринадцатая зарплата. Да и на работу ездить близко. Но и я, прямо скажем, специалист высочайшего класса: профильное образование, английский свободно, три года опыта работы по специальности. Таких еще поискать! Надо, решила я, сегодня же отправить свое резюме в продвинутые рекрутинговые агентства. И знакомым хэд-хантерам[1 -

Хэд-хантер – от английского «охотник за головами». Здесь: работник, занятый поиском и трудоустройством работников высокой квалификации.] новостишку подкинуть: Елизавета Кузьмина готова рассмотреть предложения о новой работе.

Ряхин, сволочь, в конце концов со своей «обувкой от Анки» провалится – а Филиппов еще жалеть будет, что потерял такого ценного специалиста, как я!

И на этой мажорной ноте я покончила с размышлизмами.

Однако, когда я, успокоенная, вышла из туалетной комнаты, меня ожидал новый удар.

Прямо перед моим носом в коридоре у окна стоял мой красавчик. Рядом с ним отиралась хохотушка Светка из моего отдела. Красавчик неотрывно смотрел на нее и что-то рассказывал. Наверное, что-то веселое – во всяком случае, Светка так и покатывалась со смеху и при этом будто бы невзначай, словно не держась на ногах от хохота, хваталась своей лапой прямо за его руку. А он не только не отстранялся – нет!

Все происходящее доставляло ему очевидное удовольствие!

Я, как воспитанная девочка, все-таки поздоровалась с ним, а ОН едва заметил, едва кивнул – так был увлечен этой Светкой и их непринужденным разговором!

Я прошла мимо, но если бы могла – убила бы Светку прямо на месте. И его – тоже.

Нет, в «Стил-Ониксе» мне больше не работать.

Неохота, да и незачем...

Более поздняя приписка другими чернилами:

...Но нет! Я так просто НЕ СДАМСЯ!

Я отстою себя и одержу победу над Ряхиным!

И завоюю моего красавчика!

8 апреля 20** года.

Сегодня утром какие-то негодяи опять сломали почтовый ящик в подъезде. «Молодежные вести», разумеется, украли. Зато ворох рекламных буклетов не тронули. Одну из листовок я взяла с собой и прочитала, пока ждала маршрутку:

Еремея Латинская! Решит все ваши проблемы! Возврат мужа. Приворот любимого. Поиск пропавшего человека или документов. Заговор на богатство, успехи в делах и т.п. Устранение венца безбрачия. Половая привязка. Кодирование на удачу. Снятие сглаза, порчи. Блестящие рекомендации! Гарантия успеха – сто процентов!

И внизу приписка заглавными буквами:

ВЫБРОСИШЬ ЭТУ ЛИСТОВКУ – ПОЖАЛЕЕШЬ!

Во что только не верят глупые люди!

Я скомкала листовку и швырнула ее в переполненную урну.

Едва я влезла в маршрутку, как водила меня облаял: громко, видите ли, хлопаю дверь. Я ему, конечно, ответила, что хлопай – не хлопай, его тарантайка скоро развалится, – но настроение испортилось тут же. Может, и правда: потому что я листовку выбросила? Фу, какая чушь лезет в голову... Но на работу, впервые за кучу времени, не хотелось. Будто к зубному едешь... Я качалась в маршрутке, среди носов и плащей, и думала: почему у меня все стало идти наперекосяк? Может быть, такая глупость, как порча, действительно существует? И меня кто-то и вправду сглазил? Ну, не бывает ведь так, чтобы шло-шло нормально, а потом на ровном месте вдруг – бах! – кругом одни неприятности. И в делах, и в

личной жизни. И даже в общественном транспорте – водитель всю дорогу бурчал под нос: «Висить же им: дверью не хлопать! Но народ же бестолковый! Хлопают и хлопают!»

...На работе все прошло без перемен, то есть плохо. Я весь день была занята писанием этой дурацкой концепции про туфельки Усачевой и даже не предпринимала никаких действий по приручению моего красавчика – один раз, и то случайно, встретила с ним в коридоре. Он радушно поздоровался, а я холодно кивнула: будет знать, как кокетничать со Светкой!

...Вечером я рассказала бабушке про мои неприятности (правда, только про Ряхина, а про красавчика умолчала). А потом спросила ее о том, что у меня в голове вертелось целый день: а может, меня и вправду кто-то сглазил?

Бабушка вполне серьезно кивнула:

– Не исключен такой вариант.

Я изумилась:

– Бабушка! Ты же членом партии была! А сейчас в церковь ходишь! И ты – в сглаз веришь??!

А она в ответ «Гамлета» цитирует:

– Есть множество вещей, мой друг Горацио, что и не снилось здешним мудрецам...

– Значит, ты действительно считаешь, что на меня могли порчу навести?

– А почему же нет? Ты девушка красивая и при хорошей должности. Поэтому завистников у тебя должно быть немало. Ты, Лизонька, может, даже сама обо всех не догадываешься.

– При чем же тут сглаз? – спрашиваю.

– А сглаз – это не что иное, как концентрированная энергия зависти.

Здорово моя бабулька излагает! Прямо хоть в «Золотую книгу афоризмов» записывай!

«Сглаз – концентрированная энергия зависти», это же надо!

– Может, – спрашиваю, – мне тогда к бабке сходить, снять с себя эту гадость?!

Старушка кивает:

– Была бы бабка знакомая, я б к ней тебя отправила.

– Так отправь!

Бабушка вздыхает:

– Нет у меня, к сожалению, Лизонька. А те, что по редакциям объявления дают, – они все шарлатанки.

– А ты сама? Ты мне сглаз снять можешь?

Смеется:

– Не могу, Лизонька, не тому учена. ОРЗ, воспаление легких или даже туберкулез снять могу. А вот сглаз не умею.

– Ну, тогда сказку ты мне расскажи.

– Это пожалуйста.

И стала бабушка мне рассказывать то, что я сто раз от нее уже слышала – а все равно было интересно и успокаивало лучше любой валерьянки: как она в эвакуации жила, кашу ела из толченой кукурузы и как потом ждала деда из сталинских лагерей...

Я слушала и думала: насколько же маленькими выглядят мои неприятности – по сравнению с теми испытаниями, что бабуленьке довелось пережить, и поневоле успокаивалась...

9 апреля 20** года.

Пятница! К черту все мучения! Я иду прожигать жизнь! И пусть мой красавчик провалится в тартарары – назло ему влюблюсь в кого-нибудь другого!

Сегодня под конец дня я сдала Ряхе концепцию по продвижению на рынке «тапочек Усачевой». Он, даже не читая документа, важно разложил свои толстые щеки по плечам и заявил:

– Кузьмина! Для того чтобы ваша работа по этому основополагающему для корпорации проекту оказалась хотя бы минимально успешной, вам следует кардинально пересмотреть свое к нему отношение.

Я окрысилась:

– Я профессионал, товарищ Ряхин, и качество моей работы не зависит от моего личного отношения к тому объекту, над которым я работаю. Пусть даже это будет всякое г...но.

– Вот видите: вы даже не считаете нужным скрывать свое негативное восприятие проекта.

– А меня этому учили: из любого «гэ» слепить конфетку.

И, не дав ему возможности возразить, я вышла из кабинета.

Н-да-с, надо признать, что наши отношения с Ряхой все накаляются. И пока из этого штопора не видно выхода. Нет, пожалуй, есть один – тот, что советовал своему барину мудрый пушкинский Савельич: «Плюнь, да и поцелуй у него ручку».

Не дождется!

Ладно! Пусть идут все к растакой-то матери!

Сегодня мы с Сашхеном пускаемся в загул – и гулять будем так, что чертям станет тошно!

10 апреля 20** года.

Вот что значит качественно выстроенная гулянка. Наутро никаких неприятных симптомов: ни больной головы, ни похмелья, ни угрызений совести. Мы с Сашхен на третий год после окончания института наконец достигли полной гармонии в организации совместного досуга. Каждая умеет подладиться и посчитаться с настроением и состоянием другой.

Сашхен – моя подружка по университету. Вообще-то она Саша, Александра, но она меня называет Лизхен, а я ее – Сашхен. В вузе мы не то чтобы дружили, в разных компаниях тусовались, а вот окончили его и почему-то прибились друг к другу, и недели не проходит, чтобы мы с ней не встречались или хотя бы по телефону не делились пережитым и наболевшим.

Для начала мы отправились в китайский ресторанчик с ностальгическим названием «Дружба» на Новослободскую, наелись там до отвала мяса с ананасами и выпили целую бутылку китайского сливового вина. Под необыкновенно милое вино я все Сашхен и выложила: и про жирную скотину Ряхина, и про туфельки Усачевой, и, главное, про свой сон, и как он потом воплотился в реале в красавчика Николая из отдела продаж. Повела я ей и про то, что все мои демарши по завоеванию Прекрасного Ангела никакого успеха пока не имеют. Сашхен, выслушав мою исповедь и налопавшись жареных бананов под зеленый чай «Красный халат», вдруг заявила, что теперь нам просто обязательно необходимо прошвырнуться по магазинам – хотя бы для того, чтобы: а) улучшить настроение; б) повысить самооценку; в) утереть нос Ряхину; г) подготовиться к решающей битве по завоеванию Красавчика. При этом ехидная Сашхен добавила, что скоро меня уволят, денег у меня не будет – надо ж гульнуть напоследок!

В итоге в «Пассаже» я прикупила очень милый свитерок от «Максмары», Сашхен взяла пуловер, а меня раскрутила еще и на блузку от «Дольче-Габбаны». Потом мы оставили наши трофеи у Сашхен дома (она в отличие от меня живет почти что в центре, на «Краснопресненской», – правда, в «хрущобе»). У нее на кухне мы клюкнули еще по чуть-чуть армянского коньячку, и я поделилась с Сашхен опасением (уже обсужденным мною с бабулечкой), что все мои невзгоды проистекают из того, что меня кто-то банально сглазил.

– Точно! – сказала, округлив глаза, Сашхен. – Правильно!

И рассказала мне в ответ поразительную историю. Оказывается, когда полгода назад («ну ты помнишь!») она, Сашхен, оказалась без работы и практически без денег – даже нечем было за квартиру платить и не на что, буквально, картошки купить, – одна подружка уговорила ее пойти к колдуну. «Я долго сопротивлялась и не хотела, а потом все-таки пошла!..»

– Что ж ты мне раньше-то не рассказывала! – попеняла я ей.

– Он сказал: чем меньше людей знают о чарах, тем сильнее их воздействие. Но ты слушай дальше...

Итак, Сашхен с этими своими материальными проблемами пошла к магу. Волшебник оказался совсем нестрашный, а очень даже интеллигентный. «Никаких там свечей, черных котов, заклинаний. А сам он – доктор, между прочим, каких-то наук».

Экстрасенс взял с Сашхен последние сто долларов и за это внимательно выслушал про все ее невзгоды. «Прямо как какой-нибудь психоаналитик!» А потом дал ей заговор – ну, или установку – на материальное богатство. «И, ты знаешь, подействовало!» Буквально через неделю Сашхен нашла работу, да с зарплатой в два раза выше прежней, да с перспективой. А еще через неделю познакомилась со старым, страшным, но очень богатым голландцем, который в Сашхен души не чаял и за один лишь ее благосклонный взгляд готов был осыпать ее подарками и бриллиантами.

Про работу и голландца я и раньше знала от Сашки – но думала, что они материализовались в ее жизни просто так, сами по себе, безо всякого участия мистических сил. А вот поди ж ты!

– Ты обязательно должна сходить к этому экстрасенсу, – безапелляционно заявила Сашхен. – Вот телефон. Звони ему прямо сейчас.

Я отговорила от немедленного звонка тем, что мне требуется время на раздумье, однако телефон мага-волшебника взяла и сунула в сумочку. Может, действительно неспроста ко мне так и липнут предложения от колдунов-магов-волшебников?..

Ну, а потом все завертелось. Мы с Сашхен поехали в клуб, танцевали до упаду, я пила «Секс на пляже», Сашхен – «Оргазм», вокруг меня так и вились мужики, и с одним из них я даже целовалась, назло Красавчику, прямо за стойкой.

Сегодня, когда я решила отсортировать вчерашний улов, обнаружила в сумочке четыре новые визитные карточки. Одну из них я в задумчивости отложила, потому что надпись на ней гласила:

ИВАН КОЛОМИЙЦЕВ, вице-президент банка «Святая Москва».

И это был, кажется, именно тот, с кем я вчера целовалась за стойкой.

Кроме того, в сумочке оказался клочок бумаги с телефоном, записанным от руки, и именем – Кирилл Мефодьевич.

Я в задумчивости потерла лоб. Совершенно я не помнила никакого Кирилла Мефодьевича! И разве ходят в клубы люди, которые представляются по имени-отчеству?! Это ж не вечер для тех, «кому за сорок»!

Но тут мне позвонила Сашхен. Вместо того чтобы обсудить наши вчерашние совместные приключения, она с места в карьер спросила:

– Ну, что – звонила?

– Кому? – не поняла я.

– Кириллу Мефодьевичу.

– А кто это?

– Балда! Это тот самый колдун-экстрасенс, о котором я тебе вчера говорила. Ты что, телефон его потеряла?

– Нет, вот он, передо мной.

– Ну, так давай звони ему немедленно! Я через десять минут тебе перезвоню, узнаю, что да как. – И Сашхен дала «отбой».

И ведь ровно через десять минут она снова позвонила.

– Ну, что?

– У него занято, – соврала я.

– Давай, звони еще, – сказала Сашхен и бросила трубку.

Я поняла, что просто так от нее не отвяжешься. Сходила на кухню, выпила «Святого источника» и три таблетки витамина С (последствия «Секса на пляже» все-таки сказывались), а потом обреченно уставилась на телефон.

Потом выдохнула, как перед прыжком в холодную воду, придвинула аппарат к себе и все-таки набрала проклятый номер.

Если б я только знала, к каким переменам в моей жизни это приведет!

ГЛАВА 2

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК. ОДИН, СОВСЕМ ОДИН

В тот день я узнал, когда умру.

Невеселенькое, я вам скажу, известие: узнать точную дату собственной смерти.

Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

Я художник.

Художник новой формации.

Об этом можно судить хотя бы по двум признакам, разительно отличающим меня от коллег.

Во-первых, я не пью водки. Во-вторых, не ношу бороды.

Поэтому то роковое утро я начал с тщательного бритья лица лезвием «Жилетт».

Бритье давно стало для меня ритуалом.

Этот ритуал помогает мне перейти из потустороннего мира снов в реальность. Я смотрюсь в зеркало – и в нем словно проявляются из тумана черты моего собственного лица. При этом возникают и первые утренние мысли. Порой они бывают удивительно дельными.

Когда я брил правую щеку – плавными движениями сверху вниз, – то вспомнил, что послезавтра «дэдлайн»[2 - Крайний срок (англ.)] для сдачи работы рекламщикам. Им я должен был представить новый визуальный образ пепси. Всего-то – баночку пепси. Подумаешь, эка невидаль, скажете вы, – и ошибетесь. Потому что пепси в моем исполнении должна вызывать усиленную, мощную, стопроцентную жажду. Это, знаете ли, не «Черный квадрат», при взгляде на который человек волен думать о чем угодно: от собственной тещи до ситуации в Ираке. И даже не «Девочка с персиками» – к которой зритель может испытывать любое чувство: от умиления до похоти.

У меня нет вариантов. Я должен вызывать жажду. Жажду, и все тут.

Я очистил лезвие от крема и принялся за вторую щеку. Беда в том, подумал я, что по поводу пепси у меня нет никаких плодотворных идей. Имелся испытанный и навязший в зубах образ: ледяной сине-красный сосуд. Или красно-синий стакан в капельках изморози. Ледяные сосуды и капли изморози гарантированно вызывают у зрителей жажду. Но еще вдобавок – дикую скуку и раздражение. Потому что эти запотелые емкости тиражировались в журналах, плакатах и телевизионных изображениях сто миллионов раз. А мне платили за то, чтобы я придумывал что-то новенькое, а не набивал зрителям оскомину.

Так, теперь самое трудное – подбородок. Здесь наиболее дикорастущие волосы и очень сложный рельеф поверхности. Бритье подбородка требует сосредоточенности и уверенной руки.

Я терпеть не могу, когда во время бритья мне мешают. Когда в ванную, допустим, кто-то ломится.

Потому и живу один. Моя жена имела моду ломиться в ванную как раз в тот момент, когда я выбривал подбородок. Это было одной из причин нашего развода. Возможно, даже главной причиной. Теперь-то, когда все улеглось, я понимаю: наверное, ей просто хотелось посмотреть, как я бреюсь. Вероятно, она даже находила в этом зрелище что-то сексуальное. Или, во всяком случае, необычное.

Но я не эксгибиционист. И устраивать из гигиенической процедуры реалити-шоу «За стеклом» мне совсем не хотелось. Мне нравится во время бритья быть наедине с самим собой. Наедине с собственными мыслями. И я не люблю, когда на меня глазают.

Левой рукой, полной крема, я намылил щеки еще раз.

Вот она и ушла от меня, подумал я о жене. Не только из-за бритья, конечно.

Оставила мне свои старые платья. И Дусю.

Дуся – это кот. Когда он был совсем маленьким, почему-то посчитали, что он кошка. И назвали его соответственно. Потом ошибку

обнаружили, а имя оставили.

Имя в наши времена сменить бывает труднее, нежели пол. Но Дуся, если и испытывал проблемы с собственной сексуальной идентификацией, то недолго. Вскоре после крещения супруга, садистка, лишила его этих проблем – вместе с мужскими достоинствами.

Это любимое женское занятие: кастрировать существо сильного пола. Они и с мужиками любят это проделывать – в метафорическом смысле.

Общество Дуси, несчастного существа с женским именем и немужской сутью, меня не тяготило. Дуся, во всяком случае, никогда не лез в ванную, пока я бреюсь.

Теперь я брил свои волоски против шерсти – снизу вверх. Снова – сначала правая щека, затем – левая...

Я наконец-то почувствовал, что проснулся и словно совместился с человеком, глядящим с той стороны зеркала. Изображение меня в целом порадовало. Красивые глаза. Высокий лоб. Буйная шевелюра без малейшего намека на лысину. Вот только губы и подбородок чуть подкачали. Вылепились они слегка безвольными.

Я понимаю, почему многие мужчины, особенно художники, прячут свои губы и подбородок под усами и бородами. Они скрывают под оволосением вялые черты лица, столь разительно непохожие на твердокаменность Пирса Броснана и Брюса Уиллиса.

Но, в общем и целом, из зеркала на меня смотрел вполне приятный молодой человек тридцати одного года – выглядящий благодаря правильному образу жизни и непитию водки на все двадцать семь.

И в тот момент, когда я принимался по второму разу за бритье подбородка, мне пришла в голову роскошная идея для натюрморта.

Если вы думаете, что я рисую только рекламу, то ошибаетесь. Реклама дает мне заработок. Эта работа хорошо оплачивается и занимает не более пятнадцати

часов в неделю.

В оставшееся время я пишу для себя, пишу то, что хочу.

Мои картины порой продаются. Правда, случается это не слишком часто.

У меня прошло две выставки. К сожалению, ни одна из них не имела хорошей прессы – да и никакой, впрочем, не имела прессы.

Наверное, дело в том, что я работаю в самом что ни на есть консервативном жанре. Я люблю писать пейзажи и натюрморты. А что может быть скучнее для критиков, чем натюрморт, да еще выполненный в реалистической манере!

Сейчас для того, чтобы быть замеченным, надо устроить перформанс: к примеру, акт натурального совокупления у подножия памятника Пушкину, как Бреннер. Или изваять Анну Курникову в короткой юбочке с лицом злобной фурии (как Кулик).

А тут – натюрморты. Причем никаких тонких намеков на толстые обстоятельства. Киви в моем исполнении совсем не напоминает вагину. Банан похож на банан, а не на член. Какая кондовость!

Я закончил бритье. Вытер остатки крема полотенцем. Вот, кстати, еще один пункт моих раздоров с бывшей женой. Она пилила меня за то, что я крем для бритья не водой смываю – а вытираю его полотенцем. «Почему ты это делаешь?!» – кричала она. Откуда я знаю, почему. Привык.

Таким образом, один только процесс моего бритья вызывал у нас два пункта для раздоров. Да нет – не два, много больше. Она делала мне замечания за то, что капли пены пачкают пол. Это – три. И еще я брызгаюсь на зеркало. Это – четыре. И не закрываю крышечкой крем для бритья. Не ставлю его на место в шкафчик. Это – пять и шесть.

И это только по поводу ванной. Можно себе представить, сколько грехов насчитывалось за мной всего...

И однажды я ее послал. Далеко и надолго. К моей обиде, она даже не стала ругаться, а молча принялась паковать чемодан. Я ушел в другую комнату, думая, что она вот-вот остановится. А когда вышел, чтобы все-таки ее удержать, было поздно. Она уже собрала манатки и надевала плащ. Я сказал: «Перестань, на улице дождь». А она: «Благодарю, у меня есть зонтик». Вот такой у нас получился диалог – как в старом фильме. А потом она ушла. Тихо, спокойно и даже дверью не хлопнула на прощание. Не скрою: я был глубоко уязвлен.

Но чего уж там, дело прошлое... Я постепенно вылечил раненую гордость. Однако, черт возьми, теперь я вряд ли когда-нибудь буду жить с женщиной под одной крышей.

Впрочем, я о натюрморте... При чем здесь моя бывшая жена? Какая связь? А может, как раз и есть связь?

Я вышел на кухню. Стараясь не расплескать родившуюся внутри идею картины, я сделал себе кофе.

В богемных кругах принято игнорировать растворимый кофе. Но я слишком хорошо помню себя подростком. Тогда, в восьмидесятых годах, мы с родителями могли позволить себе кофе только по выходным. А растворимый давали в заказах лишь по большим праздникам. Поэтому для меня аромат растворимого кофе – это навсегда аромат праздника.

К тому же, если бросить в чашку три ложки, напиток получается боевой.

Пусть с кофеварками и турками священнодействуют пижоны. Те, для кого важен процесс – посмотрите все на меня: я варю кофе!

А мне от кофе нужен результат. Мне надо привести себя в боевую норму для работы.

Прихватив чашку, я поспешил к компьютеру.

Мастерской у меня нет. И не было. И теперь уже никогда не будет.

Я слишком молод, поэтому не успел получить ее в советские времена. А сейчас мастерских художникам не дают.

Поэтому я в мастерскую обратил свою самую светлую комнату (из двух имеющихся). Здесь у меня стоит компьютер с огромным, двадцатисемидюймовым монитором. С его помощью я рисую пепси и другую рекламщину.

Прямо у окна размещается еще один стол, где я пишу – карандашом, гуашью или акварельками. Рядом со столом располагается подрамник. Сейчас он пуст. Больше в комнате ничего нет, за исключением старого дивана, доставшегося мне (как и квартира) от бабушки.

На диване я принимаю забредающих ко мне гостей. Для посиделок приношу из коридора раскладной стол. Здесь же, на диване, гости (или гостьи), бывает, и заночевывают.

У стен в комнате стоят мои холсты – готовые и недоконченные. Все они повернуты изнанкой – чтоб не отвлекали от текущей работы. По всем стенам на разной высоте вбиты крючья. На них я развешиваю работы, когда ко мне приводит покупателей мой маршан.

Над крючьями организованы точечные светильники. Чтобы продаваться, надо уметь представить свою работу в наиболее выгодном свете – в прямом и в переносном смысле. Я усвоил эту заповедь капитализма.

Итак, я принес с кухни чашечку кофе и подсел к компьютеру.

Комп для меня – средство связи с внешним миром. По утрам, за чашечкой кофе, я, как в девятнадцатом веке, просматриваю письма и газеты. Я захожу на свои почтовые ящики, а потом открываю сайты газет. Все это, вкупе с бодрящим кофе, настраивает меня на рабочий лад.

Я открыл свой почтовый ящик. Ничего интересного, один спам. Молчит и Лешка из Торонто, и Мишка из Тель-Авива, и Игорек из Батон-Руж, штат Луизиана. Да и московские друзья (или подруги) могли бы черкнуть пару строк. Но нет.

Я вел также легкую необязательную переписку с двумя цыпочками, знакомыми мне только виртуально, – одна вроде бы из Одессы, другая – из Сиднея. Впрочем, первая на деле могла оказаться небритым программистом из соседнего подъезда, а вторая – толстой старой негритянкой из Нового Орлеана.

В Интернете никогда ни в чем нельзя быть уверенным.

Однако и от цыпочек писем не оказалось – один мусор. Не открывая, я уничтожил спам. Одним глотком допил оставшийся кофе. Вышел из почтового ящика. Уставился в экран. Мне подмигивали рекламные баннеры. Кричали заголовки новостей. «Что делал Филипп Киркоров с Машей Распутиной»; «В Кармадонском ущелье найден Сергей Бодров». Мне было абсолютно наплевать, что делал Киркоров с Распутиной. И я уверен, что беднягу Бодрова – и даже тело его – на самом деле не нашли. Иначе об этом уже трезвонили бы все радио- и телеканалы.

Стоит только зацепиться за один-единственный баннер – и ты в конце концов окажешься за миллион миль от места, где намеревался побывать. А когда очухаешься, выясняется, что прошло полночи (или полдня). Работа не сделана. То, за чем ты ходил в Сеть, так и не нашел (да ты уже и забыл, зачем заходил!)... Все тело разбито, а голова лопается от никчемной информации, картинок, видео и музыки... Многих – ох, многих! – навсегда засосала пучина сия!

Я обычно строго-настрого запрещаю себе ходить по неведомым интернетовским дорожкам. Нет вернее способа убить время и посадить глаза.

Из кухни, нажавшийся «Вискаса» для престарелых кошек, явился, облизываясь, Дуся. Легко запрыгнул на мой стол, а оттуда взлетел на верхнюю крышку монитора. Умогнулся, прищурил глазищи. Верхняя панель монитора – любимое место Дуси. Там тепло, а кроме того, оттуда он может легко контролировать все, чем занят хозяин. Это вообще чрезвычайно в духе моего кота в частности – и кошек вообще: занять самое высокое место и поглядывать на происходящее сверху вниз.

«Лежи-лежи, – вслух пообещал я ему. – Сдохнешь от излучения».

Кот только презрительно сузил глаза. Ему было совершенно наплевать на излучение – равно как и на вопросы жизни и смерти.

В низу экрана мой взгляд зацепился за посверкивающий баннер. На нем через равные промежутки времени – словно кукушка в часах – выскакивала птичка. Затем птичка сменялась надписью « Кукушка-2». А потом снова вылетала птичка. Мелькание невольно притягивало глаз.

«Кукушка-два», надо же, – подумал я. Я недавно посмотрел по видео фильм «Кукушка» режиссера Рогожкина. Картина оказалась редким российским фильмом, мне понравившимся. В нем не было ни пижонства, ни чернухи, ни кровожадности, а присутствовали любовь и юмор. Хорошее сочетание.

И вот на тебе – «Кукушка-два». Гадость какая. «Кукушка» – кино совсем не из тех, чтобы к нему снимать сиквелы. Неужели народ в погоне за прибылью готов изговнять все на свете? Даже то небольшое хорошее, что изначально появляется на экранах?

Сиквелы, приквелы и прочая лабуда захватывают мир. Почему не снят «Андрей Рублев-два»?

Или – «Механическое пианино возвращается».

Почему после «Сладкой жизни» не появилась «Очень сладкая жизнь» и «Невозможная сладость бытия»?

«Кукушка-два»!.. Да не вранье ли это? Может ли такое быть?

И я навел курсор на баннер и щелкнул мышкой.

Зря, конечно, это сделал.

Я только намного позже понял во всей полноте и отчетливости, насколько зря.

ХУДОЖНИК И КУКУШКА

Итак, я щелкнул мышкой по баннеру.

Я, в общем-то, понимал почему. Мне совершенно не хотелось рисовать источающую жажду пепси. А браться за только что придуманный натюрморт было совестно. Потому что за жаждущую пепси мне платили и зарплату, и премию. Я даже имел какой-то мизерный процент в прибыли рекламного агентства. А натюрморт... Бабушка надвое сказала, продам ли я его. Получу ли за него хоть копейку? Да и вообще – удастся ли он? Да и закончу ли я его? Не впустую ли будут мои хлопоты и творческая горячка?

Вечные страдания творца. Если он, конечно, творец – а не халтурщик с рыбьей кровью. Не какой-нибудь делатель сиквелов-приквелов. Не тиражер огромных чугунных статуй. Не рисовальщик многочисленных лакированных портретов, ужасно похожих на раскрашенные фотографии...

И, чтоб не писать ни натюрморт, ни пепси, я кликнул по первому попавшемуся баннеру. Эскапизм – бегство от действительности. Чтобы не выбирать между двумя возможностями, человек не выбирает ничего.

Баннер «Кукушка-два» открылся под звуки Девятой симфонии Бетховена. «Та-та-та там!!» Так судьба стучится в двери.

Кот, лежащий на мониторе, вздрогнул. На экране появился титр: «Мы знаем, сколько тебе осталось жить-поживать!» Затем вспыхнула другая надпись: «Хочешь узнать точную дату собственной смерти?»

Последний текст произносила сама Смерть с косой – в мини-юбочке, с грудями навыкате. Она кокетливо подмигивала: «Жми сюда!»

Ох, господи, что за дураки, подумал я. Значит, к кино «Кукушка» баннер отношения не имеет. И никакого продолжения фильма, слава богу, не затевается. Но что за подлые обманщики! Интернет в очередной раз надул меня.

«Кукушка-два», оказывается, обещает накуковать прогноз ожидаемой продолжительности моей жизни (если выразаться языком социологов). Приколисты фиговы. В Сети полным-полно подобных приколов. Интернет вообще любит шутничков и всяческих фриков.

Тебе, к примеру, предлагают заглянуть в «глазок» видеокамеры, установленной в общественном туалете. Или посмотреть на собственное лицо – каким оно станет лет через тридцать.

Непонятно зачем устраиваются подобные развлечения. Ведь это целая история: создать программу, сайт, еще и баннеры развесить. Требуется куча времени – да и денег. Неужели интернетчики занимаются этим из чистой любви к собственному искусству? Примерно потому, зачем я рисую свои натюрморты?

Ну, ладно, решил я, раз зашел – надо дорезвиться до конца.

Хоть порадуясь. Программа наверняка основана на банальной статистике. Мне вот тридцать один. А средняя продолжительность жизни в России – где-то лет шестьдесят пять. Значит, мне нагадают еще тридцатник с хвостиком. Пустячок, а приятно. Как-то внутренне подзаряжает.

Огромным богатством, если вдуматься, я обладаю. Тридцать четыре непрожитых года.

И я снова щелкнул мышкой.

Появился запрос: «Введите дату своего рождения». Я смело отстучал «17 января 1972 года» – и нажал «продолжить». Я уже ожидал ответа от дурацкой кукушечки – типа: «Вы умрете 27 января 2037 года».

Однако на экране возник новый вопрос: «Ваш пол?»

Что ж, вопрос логичный.

Женщины живут, к сожалению, дольше, чем мы. Это им награда за то, что они меньше нервничают, меньше заняты карьерой и меньше (как правило) зарабатывают. Правда, надо признать, женщины к тому же пьют меньше водки, аккуратнее гоняют на автомобилях и реже ходят на стадионы, когда «Спартак» играет с «Барселоной».

Я решил не прикалываться и кликнул по букровке М.

Тут же появился новый вопрос:

«Вы проживаете...» – и три варианта ответа:

«В России»,

«В дальнем зарубежье»,

«В ближнем зарубежье».

Интерес вполне логичный. Не знаю, как обстоят дела в Белоруссии или Узбекистане, а в дальнем зарубежье народ, увы, живет сильно дольше нашего.

Я не стал изображать из себя японца, норвежца и разного там прочего шведа и честно щелкнул по плашке «Живу в России».

Но кукушечка со своими «ку-ку» опять не появилась.

Возник новый вопрос:

В каком населенном пункте вы проживаете? – и варианты:

Москва

Крупный город —и далее, вплоть до села.

Тоже разумно. Хотя и непонятно, в чью пользу – москвичей или деревенщиков – программа будет считать. С одной стороны, в столице – стрессы и экология. Плюс – сумасшедшее автодорожное движение и вероятность попасть под случайную перестрелку. К тому же поездки в метро опять же жизни не прибавляют.

С другой стороны – в провинции пьют больше, чем в Москве. И меньше зарабатывают. И хуже питаются.

Я честно выбрал «Москву» и, как дурак, нажал «продолжить».

Я уже стал подумывать, не бросить ли дурацкий опросник. Что за бессмысленный способ тратить собственное время и деньги!

Однако следующий вопрос «кукушечки» меня немало повеселил. Все-таки в Сети гужуется народ с отменным чувством юмора.

На экране появилось:

Вы Кощей?

Я вслух засмеялся (Дуся на мониторе открыл один глаз) и кликнул по варианту «нет». А потом подумал: а что было бы, если б я выбрал «да»?

Далее – шутки в сторону! – меня снова спросили серьезно:

Вы курите?

Я с чистым сердцем ответил «нет» – и порадовался, что прибавил себе лет пять-шесть ожидаемой жизни.

Затем последовал вопрос:

Вы женаты?

Я ответил «нет». Этим я убавил себе годы, выигранные на курении. Странно: жены пьют из мужей кровь стаканами – но при этом женатики, по статистике, живут дольше, чем холостяки.

Далее программа спросила меня: сколько я пью?

Я написал самый здоровый и одновременно правдивый ответ: бокала два-три хорошего сухого вина.

Затем – занимаюсь ли я спортом?

Я открестился – хотя, подозреваю, это стоило мне лишних трех-четырёх лет. И, наконец, сколько я зарабатываю.

Последний вопрос меня, признаться, насторожил. Может, им еще нужен номер моей кредитки? И пин-код в придачу? Может, «Кукушечка-два» в реале – мощная маркетинговая социологическая служба? И они промышляют тем, что исподволь собирают информацию о потенциальных

потребителях? И, по-честному ответив на их дурацкую анкету, я навечно попаду, как вероятный клиент, в базы данных «Рибока» и «Фольксвагена», «Коки» и «Адидаса», «Хьюго Босса» и «Форда», «Кардена» и «Нивеа», «Проктер энд Гэмбл» и «Найка». И эти международные капиталистические монстры доверху забьют мой почтовый ящик директ-мэйлом?

Словно в ответ на мои опасения на экране зажегся титр:

«Кукушка-два» гарантирует строгую конфиденциальность сообщенных вами сведений. Мы обязуемся не передавать их никогда, никому и ни на каких условиях. Мы не собираем какие бы то ни было данные, позволяющие идентифицировать вашу личность и нарушить ваше право на личную жизнь».

Это заявление заставило меня еще пару минут не отрубаться от забавного сайта. Надо все-таки довести игру до конца – каким бы он ни был.

Тем более что мне не хотелось писать натюрморт, а изображать с помощью программы «АдобФотошоп» изнывающую от жажды банку пепси – особенно не хотелось.

ХУДОЖНИК. РЕЗУЛЬТАТ

Сеть затягивала меня все глубже. Я щелкал и щелкал мышкой, отвечая на вопросы дурацкой анкеты. Оторваться было невозможно – как от семечек или попкорна.

Я ответил еще на пару пунктов: есть ли у меня машины, дети и домашние животные. Мне даже предложили цветовой тест Люшера: «Расставьте эти цвета в наиболее предпочтительном для вас порядке...» Первым я выбрал голубой – не знаю, что уж это означало. Наверное, то, что у меня, как у Пикассо, сейчас голубой период.

«А теперь – расставьте еще раз...»

Однако от анкеты «Кукушечки» оказался неожиданный толк. Где-то посреди нее мне вдруг пришло в голову абсолютное точное видение своего будущего натюрморта. Анкета (или то время, что я на нее потратил) как бы кристаллизировала его.

Я увидел перед своим, что называется, внутренним взором: вот стол на кухне. На обычной советской, московской кухне. На заднем плане – окно. Где-то в окне, невдалеке видны другие многоэтажные дома, заснеженные тротуары и засыпанные снегом машины.

А на переднем плане, на столе, разложены цветы. Стандартные букеты и отдельные цветочки. Букеты самые разные. Контрастирующие друг с другом. К примеру, три ириса. А рядом – одинокая гвоздика. А подле – две веточки мимозы. И букет из трех длинных полуувядших роз. А рядом с цветами на столе лежат полураскрытые ножницы. Центром композиции является ваза с семью (или девятью) желтыми тюльпанами.

И зрителю становится очевидно: дело происходит в какой-то праздник. В день рождения или на Восьмое марта. Скорее, на Восьмое марта. И эти цветы женщине надарили на работе. Вот эта одинокая гвоздика, к примеру, – формальный подарок от начальника. Три дорогие, но полужухлые розы – подношение от благодарного клиента. Дешевенькие мимозы – сувенирчики от женщин-коллег.

Букетик ирисов – дар тайного застенчивого воздыхателя. Например, какого-нибудь юного прибабахнутого компьютерщика. Или, напротив, кадровика-отставника предпенсионного возраста.

Но вот тот букет тюльпанов, что уже поставлен в вазу – поставлен женщиной самым первым, нежно, любовно, – это подарок ей от возлюбленного.

А самой женщины, современной москвички, на картине нет. Она где-то за рамкой. Наверное, наполняет водой очередную вазу. Но разложенные на столе цветы многое рассказывают нам о ней: как она ехала с работы домой – чуть подвыпившая, довольная, восторженная, – прижимая к груди разнокалиберные букеты. Как завистливо смотрели на нее пассажирки в метро. Как она, войдя в дом, сразу же бросилась подрезать и расставлять цветочки. И первым установила в вазу самый дорогой для нее букет – желтые тюльпаны от возлюбленного.

Я знал: в натюрморте должна почувствоваться моя любовь к этой неведомой (и невидимой зрителю) женщине. И даже легкая ревность к ее гипотетическому возлюбленному с желтыми тюльпанами. И моя ностальгия.

По кому ностальгия – не знаю. Может, по некой несуществующей, но прекрасной девушке. А может, по любви вообще – ведь я этого чувства не испытывал страшно давно.

И мне чертовски захотелось взяться за натюрморт прямо сейчас. К черту пепси-колу. К черту прочие халтурки. Вот сейчас покончу с анкетой, раз уж ввязался, – и за работу.

Я, конечно, знал, что разница между той задумкой, что с ослепительной яркостью вспыхивает в мозгу художника, и результатом порой бывает колоссальна. И никогда не удастся выразить то, что ты изначально видел внутри себя, со всею точностью. Порой (очень редко!) результат неожиданно оказывается даже лучше того, о чем мечталось. (Но все равно, как ни крути, иным!) Однако чаще итог получается хуже – гораздо хуже! – того идеального образа, явившегося однажды в твоём сознании. И пусть зрители хвалят – часто искренне – твою картину, все равно ты видишь, где недотянул. И благодаря каким доделкам и переделкам результат мог быть иным. Лучше. Совершенней. Прекрасней. Ты видишь эту разницу – и тоскуешь оттого, что она существует. Оттого, что ты опять недотянул. В очередной раз не достиг идеала.

А потом, в один прекрасный день, новый образ влезает в голову и весь заполняет тебя. И ты снова (несмотря на все неудачи) берешься за работу. Потому что иначе отделаться от того, что вступило в башку, невозможно...

Думая обо всем этом, я наконец механически закончил отвечать на дурацкую интернетскую анкету. Щелкнул мышкой по клавише на экране «Показать результаты». Вспыхнул титр: «Ждите. Идет обработка данных...»

Я откинулся в кресле. Мой Дуся спал, свернувшись клубком на мониторе.

На экране появилась мультипликационная кукушка. Она помигала в мою сторону глазком-бусинкой. Потом вдруг разочарованно развела крыльями и улетела за обрез экрана.

Посреди экрана вспыхнула надпись:

Sorry...

А затем ее сменила другая:

Вам осталось жить-поживать 8 дней 2 часа и 28 минут.

Я вперился в титр. Ну ни фиги ж себе!

Я битый час угрохал на дурацкую анкету – и ради чего! Чтобы меня так мерзко, предательски разыграли! Подумать только – мне осталось жить восемь дней с минутами!

Тут на мониторе появился новый титр:

Причина смерти – несчастный случай.

Не успел я взглядеться в него, как возникла новая надпись:

Время пошло!

А ниже появился цифровой хронометр.

08 дней 02 часа 28 минут 36 секунд.

Часы вели обратный отсчет.

Последнее число стремительно убывало:

35 секунд... 34... 33... 32...

Пока я, ошеломленный, пялился на экран, счетчик секунд обнулится, а потом снова пошел по убывающей:

08 дней 02 часа 27 минут 59 секунд... 58 секунд... 57... 56... 55...

Вот твари! Ну шутнички!

Раздосадованный, я тут же нажал мышкой клавишу Завершить работу.

Экран мигнул и потух. Я с шумом отодвинул от компьютерного стола кресло. Дуся приоткрыл на меня один глаз, словно проверяя: что случилось? Я усмехнулся и выбежал на кухню. Залпом выпил стакан холодной воды.

«Ну идиоты! – вознегодовал я на создателей «Кукушки». – Это же надо так пошло шутить! Мало того, что я потратил битый час на их анкету, – они еще на полном серьезе дают дурацкие предсказания!»

И главное, ведь ничего нового. Что-то подобное я уже видел. В каком-то фильме ужасов. Кажется, он назывался «Звонок». Сначала он был японским, а потом еще и американцы римейк сняли. Ну, а то, что бывает в «ужастике», – никогда не случается в жизни. Кстати, и у Мураками в одном из романов герой знал точное время собственной смерти...

Долбанутые компьютерщики! Сами ничего нового придумать не могут – вот и крадут чужие идеи. Шутнички, блин! Кукушечки!

Разумеется, я ни на секунду им не поверил – но все равно неприятный осадок оставался. Будто кто-то посторонний влез к тебе прямо в душу. Ты ему чуть ли не исповедался, а он плюнул тебе на ботинки и сказал, что ты говнюк и вообще вот-вот умрешь.

Да, гадское ощущение внутри – будто пирожок с несвежим фаршем съел.

Чтобы перебить его, я заварил себе еще одну чашку мощного кофе. Полез в холодильник за конфетами «Шоколадный крем».

Вот идиоты, вздохнул я, откусывая шоколад и постепенно успокаиваясь. Испортили настроение.

Хотя...

Я отхлебнул горячего кофе и самоиронично подумал:

«Ну, раз я умру через неделю – имеет ли смысл браться за банку пепси? Нарисую очередную, стомиллионную банку газировки – и что?

А вот натюрморт... Есть шанс – правда, мизерный! – что после моей нелепой, скоропостижной смерти (через восемь дней!) картина вдруг возьмет и прославит меня. И обессмертит мое имя. И лет через сто пойдет с молотка аукциона «Кристи» миллионов за сто долларов... Так что прямой смысл заняться именно картиной. Чтоб было чему моим далеким наследникам порадоваться.

Что ж, идиотская интернетская шутка мне помогла сделать выбор.

Решено. Берусь за цветы.

Оставшихся (я хихикнул про себя) восьми дней мне хватит».

НАТЮРМОРТ. ЗВОНОК

Я уселся на кухне. Взял планшет с бумагой. Карандашом быстренько набросал эскиз.

Отложил. Пристально осмотрел. Мне понравилось. С композицией все было в порядке. Мне вообще нравится момент, когда нематериальные образы,

возникшие в башке, начинают превращаться в первые линии.

Когда из ничего проступают первые контуры чего-то.

Эскизничал я на кухне – с натуры. Вот стол – а вот задний план: окно. А вот и вид из окна: соседский дом, детская площадка, машины. Все перенесется на задуманную картину.

На кухню приплелся, заметив мое отсутствие в комнате, Дуся. Пришел проверить: вдруг я тут ем? А если ем – может, и ему перепадет? Вот примитивная тварь. Ничто ему неизвестно: ни муки творчества, ни мысли о смерти. Ничто его не интересует. Одна жратва.

Дуся покрутился по кухне, тыкнулся в свою плошку. Убедился, что едой и не пахнет, и разочарованно поплелся в туалет.

И тут раздался телефонный звонок.

Обычно я отключаю телефон, когда работаю. Пусть те, кто решил меня побеспокоить, записывают свои послания на автоответчик. Нечего отвлекать творческого человека в рабочее время.

Но сегодня с самого утра у меня не раздалось ни единого звонка. Да еще эта дурацкая сетевая шутка... От нее, несмотря ни на что – кофе, конфеты, работу, – внутри было кисло. Поэтому, чтобы развеяться и забыть дикий розыгрыш, я снял трубку.

В наушнике что-то слегка щелкнуло. Затем раздалось легкое шипение. А потом механический голос – точь-в-точь как в службе «100» – безразлично произнес:

«Вам осталось... – Пауза. – Восемь дней... один час...»

Между словами автоматический голос делал паузы, как делает обычно механизм, сообщающий точное время.

«Тринадцать минут... И сорок секунд...»

Потом опять щелкнуло, и снова:

«Осталось... Восемь дн...»

Я бросил трубку.

МЕРТВАЯ ТИШИНА

Не скажу, что после идиотского звонка у меня поднялись волосы дыбом. Или там – что я побелел как смерть.

Хотя не знаю. Сам я себя в зеркале не видел.

Но было противно. И как-то неприятно. Дурацкий розыгрыш затягивался. И принимал все более объемлющие формы. Интернет, а теперь вот и телефон.

Попался бы мне этот дурацкий шутничок – немедленно получил бы прямо в ухо.

Смерть!.. Нашли чем шутить.

Я оглядел кухню.

На столе валялся отложенный планшет с эскизом натюрморта и карандаш. Керамическая чашка с остатками кофе, смятый фантик и пустая баночка из-под йогурта дополняли реальный, а не идеальный – возникший в моем воображении – натюрморт.

Кухня показалась мне сейчас какой-то нахохленной, неприкаянной. Тюлевая занавеска была содрана с двух крючков. Ее вообще давно не мешало бы постирать. А окна – помыть.

При этом и кухня, и вся квартира казались полными какой-то нехорошей тишины.

И в этой абсолютной, мертвящей тишине капала вода из крана. Давно пора сменить прокладку. Дзыньк, дзыньк! – звенели капли, падая в непомытое блюдечко из-под вчерашнего чая.

Но – что удивительно! – больше в нашем огромном многоквартирном доме не раздавалось ни единого звука.

Я выглянул в окно.

Залитый весенним солнцем двор был абсолютно пуст. Недвижно стояли припаркованные машины. Из помойки торчал длинный кусок картонной коробки и чуть покачивался на ветру.

И тут я заметил движение. По пешеходной дорожке шел человек. Шел он с трудом, будто преодолевал сопротивление ветра.

Я пригляделся и увидел, что человек попросту пьян. Нагрузился с утра и шкандыбает от магазина.

В руках у пьяного был старый полиэтиленовый пакет. Нес он его с чрезвычайной осторожностью. Видно было, что он готов при необходимости защищать его всем своим телом. У стороннего зрителя вроде меня не оставалось никаких сомнений по поводу содержимого пакета.

На сердце как-то отлегло. Отчего-то этот пьяный, шествующий поперек двора, теперь показался мне чрезвычайно симпатичным.

А тут вдруг из квартиры сверху донесся посвист дрели. Еще ни разу в жизни этот звук не был мне настолько мил.

Все нормально. Я стряхнул с себя морок. Жизнь продолжается. Все живы. И мир – жив.

И я – жив тоже.

Просто – будний день. Одиннадцать часов утра. Народ – на работе. Дети – в школе. Птицы еще не вернулись с югов.

Все нормально.

Однако мысль о том, что надо вернуться к работе, вдруг стала мне невыносима. Показалось удивительно унылым: продолжать сидеть здесь, в квартире, одному и писать натюрморт.

Надо мне, пожалуй, пойти прогуляться, решил я.

Что-то я зачах тут один. Одичал. Да еще и предсказания эти дурацкие. Звонки.

Надо сходить в магазин, подумал я. Там – люди, там – милые кассирши. Может, кого из соседей встречу по пути – поболтаем. Вот и развеюсь.

Решено, собираюсь. А чтобы мне не было так одиноко, я включил радио в своем музыкальном центре «Панасоник».

«...А впереди у нас путешествие по времени, – раздалось бодрое щебетание ведущей из «Радио семь – на семи холмах», – годы шестидесятые, восьмидесятые и девяностые. «Битлз», Анна Усачева и Джо Кокер. Оставайтесь с нами!..» И в динамике раздались известные аккорды. А после запел Маккартни:

In the town Where I was born...

Я бодро подхватил, подпевая сэру Полу:

Lived a man Who sailed to sea...

И отправился надевать джинсы.

ПИСЬМО

«Йеллоу Сабмарин» была единственной битловской песней, которую я знал от начала до конца.

Я допел ее вместе с Полом, одеваясь. Потом выключил радио и вышел в робко-весенний день.

Никого из знакомых я по дороге в магазин не встретил. Зато мило поболтал со скучающей кассиршей. И скидку получил, как ранняя пташка – покупатель, явившийся до двенадцати часов дня.

В магазине я приобрел жестяную двухсотграммовую банку «Нескафе-классик», коту – «Вискаса» и туалетный наполнитель «Катсан». Еще я купил «Студенческих» микояновских сосисок и торт «Наполеон». А кроме того, побаловал себя шоколадкой «Вдохновение», апельсинчиками и бананчиками.

Когда я подошел к своему подъезду, гнилое настроение, вызванное дурацкими розыгрышами, улетучилось.

В моем обычном – не виртуальном! – почтовом ящике что-то белело.

Я поставил сумку с покупками на пол и отпер его.

Внутри оказалось письмо. Адресовано – мне, и адрес – мой. Координаты отправителя не указаны.

Почерк на конверте показался мне странно знакомым.

Я довольно редко получаю письма, поэтому разорвал конверт прямо в подъезде. Оттуда выпал небольшой голубоватый листочек, исписанный от руки.

Я взялся читать:

«Когда вы прочтете эти строки, меня уже не будет в живых.

Да, да! Я должен умереть. Судьба распорядилась именно так, и я чувствую приближение неминуемой смерти.

Очень жаль, что мне не удалось выполнить все задуманное, воплотить все мечты. Но меня утешает и мне льстит мысль, что удалось оставить после себя хотя бы кое-что. Хоть какие-то следы моего пребывания на Земле. Картины,

оставшиеся после меня, продайте. Не знаю, как оценит их история, но все, что я ни писал, делал со всей душой и от чистого сердца.

Жаль, что мне не довелось родить сына. Ну, что ж, значит, не судьба. Значит, богу это оказалось не угодно.

Еще раз прощайте – и вспоминайте обо мне».

Письмо было без обращения и подписи, однако я застыл в подъезде, словно пораженный громом, вперившись в ровные, угловатые строки...

Потому что это был МОЙ ПОЧЕРК!

ГЛАВА 3

ЛИЗА. КОЛДУН

Лиза ехала в центр и ругала себя «поленом», «мымрой» и даже «овцой». Бабушка бы ее осудила. Но как тут не ругаться, если тебя все-таки «развели» на несусветную глупость? Она, выпускница «Плешки», почти атеистка, едет к колдуну – подумать только!

Одно оправдание: слишком уж упорно ее в последние дни всякая мистика преследовала... В электронном почтовом ящике обнаруживались маги, в обычном – ведьмы, и даже Сашхен – вот уж реалистка из реалисток! – и та переметнулась с материалистических позиций на магические и принялась за промоушен колдуна! И вот итог: Лиза приготовила честно заработанные сто баксов и несет их какому-то Кириллу Мефодьевичу, явно ведь – шарлатану...

Дом колдуна оказался в одном из старомосковских переулков, совсем неподалеку от Патриарших.

«Специально он себе, что ли, такое место жительства выбрал? – подумала Лиза. – Маргарит приманивать? На девушек впечатление производить?»

Несмотря на самые лестные аттестации, что дала чародею Сашхен, Лиза настроена была крайне скептически. Все-таки училась она в советской школе. Учителя и родители ее в материалистическом духе воспитывали. Лиза даже пионеркой успела побывать. И теперь... Теперь она шла к кудеснику, потому что понимала: Сашка от нее все равно не отвяжется, так что уж лучше сходить к этому Мефодьевичу и тут же выкинуть сей визит из головы.

«Подумаешь, колдун, – уговаривала она себя. – Ну, пошепчет какие-нибудь заклинания. Благовония воскурит. Ну, руками в воздухе повертит... От меня же не убудет, правда? Зато появится некий новый опыт. А жизненный опыт – это бесценная штукавина!»

Она уже опаздывала минут на пять или семь. И все еще искала нужный адрес. Нумерация домов в переулке была загадочной. Следом за девятым домом сразу шел тринадцатый. И как быть, если тебе нужен дом под номером одиннадцать?

«Одиннадцатый, наверное, показывают только избранным, – усмехнулась про себя Лиза. – А обычным людям этот дом неведом...»

Впрочем, быстро обнаружилось, что одиннадцатый всего-навсего притаился в глубине двора.

Внутри его вела низкая подворотня.

Дворик оказался точь-в-точь петербургским: колодец, куда не проникал солнечный свет. Шестиэтажные грязно-желтые стены смотрели на Лизу рядами окон, за которыми не чудилось жизни. Окна в большинстве своем были серыми, грязными, давно не мытыми. Впрочем, кое-какие рамы оказались самоновейшими – белыми поливиниловыми. Весь маленький двор был уставлен в несколько рядов машинами. Как они, интересно, разъезжались здесь при такой толчее?

Во дворе было пусто, ни души, и тихо-тихо, словно совсем нет рядом Москвы с ее суетой, толкотней и пробками. Странное место. На первый взгляд все мирно-уютно, но сердце почему-то так и екает – совсем как в ночном метро или в

темной подворотне.

Лиза подошла к ближайшему подъезду. Нумерация квартир здесь тоже оказалась, словно в Петербурге, – совершенно беспорядочной. Вывеска над дверями сообщала, что тут помещаются квартиры: три, четыре, пять и шесть. А еще вдруг – с тридцать второй по тридцать шестую.

Нужная ей тринадцатая, должно быть, находится в следующем подъезде. Лиза, лавируя меж припаркованными машинами, подошла к другому парадному. Рядом с изрядно выщербленными ступеньками располагалась мусорка. Бак был переполнен.

Да, все правильно. Тринадцатая квартира здесь. Кажется, на втором этаже. Но почему с каждым шагом ей все страшнее и страшнее?!

«Глупости это», – оборвала себя Лиза и смело шагнула к подъезду.

Набрала цифры «один» и «три» на бронированном домофоне.

Квартира номер тринадцать, видите ли. Подходящий номер для колдуна.

В домофон никто не ответил – однако дверь пискнула и сама собой отворилась.

Лиза вошла в подъезд. В парадном было полутемно. Свет струился только из маленького окошка где-то под потолком.

Лиза поднялась по красной, слегка истертой дорожке.

Порядок квартир в подъезде соблюдался: тринадцатый номер шел следом за двенадцатым и располагался на втором этаже. Дверь оказалась обычная, деревянная. На ней – почтовый ящик еще советских времен. И даже глазка нет.

Лиза позвонила. Звонок отозвался в тихой квартире где-то далеко-далеко.

Через минуту из-за дверей раздался женский голос: «Кто?»

– Я к Кириллу Мефодьевичу! – прокричала Лиза. – Назначено!

Дверь распахнулась. На пороге стояла женщина с невыразительным и усталым лицом.

Никакой тебе полуголой Геллы со шрамом через шею.

Никаких черных мантий, черного ворона или запаха серы.

Обычная московская тетенька: то ли прислуга, то ли помощница, то ли жена.

– Пожалуйста, – сказала блеклая женщина и посторонилась.

Лиза вошла через двойные двери. С любопытством огляделась в прихожей.

Мелькнуло: «А неплохо, черт возьми, живут у нас колдуны».

В квартире – высоченные, чуть не четырехметровые потолки. Люстра натурального хрусталя (и это в прихожей!). Две картины по стенам. Одна похожа на Шагала – а может, это и есть Шагал? На картине был запечатлен художник – он с палитрой наперевес парил в позе космонавта над красно-зеленым местечком. И в самом деле очень смахивает на Шагала.

Вторая картина, висящая в прихожей, оказалась темной, напоминающей Рембрандта, – но вряд ли, конечно, это был натуральный Рембрандт. Даже у колдуна на Рембрандта денег не хватит. На холсте угадывался лик молодого человека в старинном бархатном костюме.

Со лже-Рембрандтом соседствовал вполне современный зеркальный шкаф-купе.

Женщина молча вынула из шкафа вешалку и ждала, чтобы принять Лизино пальто. Лиза протянула ей свою «Максмару».

– Какой у вас размер обуви? – спросила тетенька, убирая Лизино пальто в шкаф.

– Тридцать шестой.

Из горы тапочек, лежавших внизу шкафа, женщина выхватила наугад подходящие, положила их на пол рядом с Лизой. Жест означал молчаливое приглашение переобуться. Лиза расстегнула туфли.

«Ну, разуваться – это уж слишком, – подумала она. – Я б на месте колдуна клиентов переобуваться не заставляла. Имидж дороже. А в тапках получается полное опошление. Никакой таинственности».

Усталая женщина сделала жест, приглашая вовнутрь, в комнаты. Лиза открыла двустворчатую дверь.

Размеры комнаты ее поразили. Помещение оказалось метров пятидесяти, если не больше. В углу горит – с ума сойти! – настоящий камин. В нем чуть потрескивают дрова. От камина распространяется живое тепло.

За исключением камина никаких атрибутов колдовства в комнате не наблюдалось. Никаких магических кристаллов, филинов, черных котов. Никакой тебе мистической полутьмы. Всю комнату заливают электрический свет.

Лиза пригляделась.

Свет излучает огромная – еще больше, чем в прихожей, – хрустальная люстра, да светит пара отделанных хрусталем светильников по стенам.

Посреди комнаты находится антикварный стол. Его окружают роскошные стулья из красного дерева. Окна наглухо закрыты тяжелыми шторами с кистями. С улицы не доносится ни звука. А на антикварном столе потрескивает, чадит одинокая свеча, но она почему-то совсем не кажется магической или колдовской...

У окна – ампирная кушетка, а рядом с ней располагалась на низких столиках пара приборов – то ли физических, то ли медицинских. Экранчики какие-то, тумблеры, провода.

«Ну и чародеи нынче пошли, – весело подумала Лиза. – Считала, иду в колдовское логово, а попала в какой-то медкабинет».

Тут Лиза заметила рядом с кушеткой дверь в соседнее помещение. Она была полуоткрыта. В полурастворенную дверь Лиза увидела краешек письменного стола, а также ряды книжных полок. Книги занимали все стены, от пола до самого потолка. Судя по корешкам, большинство составляли научные труды – причем многие из них на иностранных языках. Похоже, за этой дверью находился рабочий кабинет колдуна. (Если у колдунов имеются, конечно, рабочие кабинеты.)

Лизины волнение и робость куда-то улетучились, и она смело пошлепала тапками к антикварному креслу. Без приглашения уселась – да и некому было ее приглашать.

Впрочем, в кабинете чудилось чье-то присутствие. Дыхание, легкое поскрипывание стула... Однако никто пред Лизой не являлся, и она от нечего делать принялась рассматривать убранство комнаты, люстру и потолок.

«Натуральный хрусталь – вон как свет в камнях играет. Словно в Большом театре. И лепнина на потолке искусная, прорисованная. А потолки какие высоченные! Как дышится-то легко, когда над тобой ничто не нависает, – это не моя малометражка! Интересно, когда построен этот дом?»

– В девятьсот восьмом, – проговорил вслух чей-то голос.

Лиза вздрогнула. Из кабинета к ней вышел человек. Он легко улыбался.

Внешности мужчина оказался самой невзрачной. Ничего демонического ни в лице, ни во взоре. Среднего возраста – лет пятидесяти. Полуседые, пегие какие-то волосы. Мелкие черты лица. Такого на улице встретишь – через секунду забудешь.

Одет в чистенький, но ношенный костюмчик. Старый, по моде девяностых годов, вискозный галстук. А обут – подумать только! – в тапочки.

Совсем не такого человека Лиза ожидала здесь увидеть. Думала встретить орлиные взоры, демонические жесты. Готовилась узреть черную мантию, напор и суровость. Но дяденька, шедший к ней через комнату, источал теплоту и благожелательность. Он был весь какой-то уютный и походил совсем не на колдуна, а на доброго доктора Айболита.

– Что «в девятьсот восьмом»? – спросила его Лиза.

Она отчетливо помнила, что ничего не произносила вслух.

– Ну, вы же хотели узнать, когда построен этот дом, – с улыбкой пояснил мужчина. – Вот я и говорю: в одна тысяча девятьсот восьмом. Скоро сто лет ему. Все коммуникации разваливаются, – пожаловался он. – Капремонта не было, сантехники трубы не успевают латать.

Мужчина вплотную подошел к креслу, где сидела Лиза. Склонился в поклоне, протянул руку.

– Вы – Лиза, – утвердительно сказал он. – А меня зовут Кирилл Мефодьевич.

Лиза, не вставая, подала хозяину руку. Она не чувствовала никакой опаски или смущения. Напротив, Кирилл Мефодьевич почему-то необыкновенно расположил ее к себе.

Он взял ее руку в обе свои. Руки его были теплыми и сухими. И, наверно, именно поэтому – необыкновенно приятными.

Маг глубоко поклонился, но целовать Лизину ручку не стал. Просто слегка пожал, а потом задержал в своих ладонях. И это тоже было приятно.

«Как он узнал, о чем я думаю? Мысли, что ли, в самом деле читает?»

Кирилл Мефодьевич уселся в кресло напротив нее. Закинул ногу на ногу, так что стала необыкновенно заметна его тапочка. Лицо колдуна выражало благо- и доброжелательность. Глаза улыбались.

– Вы что, мысли мои читаете? – спросила Лиза, пристально и строго глянув на колдуна. Ей хотелось, чтобы тот смутился.

– Да боже избавь! – махнул рукой Кирилл Мефодьевич. – Это же нарушение права на частную жизнь – мысли-то читать... Да и неэтично.

Глаза его смеялись.

- Неэтично, и только? – принимая взятый колдуном легкий тон, спросила Лиза. – А в принципе – возможно?

- Для человека нет ничего невозможного, милая Лиза, – улыбнулся он. – Решительно ничего. Вопрос только способностей. Ну и тренировки, конечно.

- Значит, вы умеете мысли читать? – настаивала она.

- Это совершенно неважно, – ответил колдун, внезапно становясь серьезным. – Для вас ведь важно, что умеете вы, верно? Что уже умеете – и чему еще можете научиться.

- А я могу научиться? – воскликнула она.

Было б совсем неплохо узнать, о ЧЕМ думает мужчина ее мечты!

- Читать мысли? А надо ли вам это? – пожал плечами колдун. – Это ведь, Лиза, очень большое напряжение. Концентрация воли, разума...

- Ничего, сконцентрируюсь, – усмехнулась Лиза.

- А зачем? – развел руками маг и волшебник. – Я вас уверяю: в чтении чужих мыслей решительно ничего интересного нет. Это, знаете ли, как язык собак или кошек... У вас, кстати, дома животные есть?

- Есть. Кот.

- Это очень хорошо, – глубокомысленно кивнул колдун. – Как его величать?

- Пиратом.

- Пиратом? – посмеялся Кирилл Мефодьевич. – Интересное имя... Скажите, вот вы вашего Пирата понимаете?

- В общем и целом - да, - пожала плечами Лиза.

- И вы ведь не слишком страдаете оттого, что не знаете кошачьего языка, верно?

- Да вообще-то нет.

- А даже если б вы его и знали... Ну, расшифровали ученые кошачий язык. И что там? Сплошные: «Есть хочу. Дайте мне пищи. Я проголодался...» Почти все кошачье мяуканье связано с едой. Так ведь и с людьми все то же самое.

- Ой ли? - усомнилась Лиза.

- Конечно! - убежденно проговорил Кирилл Мефодьевич. - Естественно! У мужчин - тем паче молодых - большинство мыслей о сексе. «Какие у нее формы!», «Я бы ее трахнул!», «Что она скажет, если я сразу предложу ей заняться сексом?» Вот о чем большей частью думают мужчины...

- И только? - улыбнулась Лиза.

- Ну, еще: «Классная тачка поехала, мне б такую». Или: «Чертовски проголодался». Или: «Ох, как болит голова после вчерашнего»...

- А как же тогда мужчины работают? - лукаво спросила Лиза.

- А они не думая работают, - серьезно ответил колдун.

- Экий вы... Суффражист... - улыбнулась Лиза.

Разговаривать с колдуном оказалось легко. Словно она с ним уже тысячу лет знакома.

- Да и дамочки, извините, тоже хороши... - по-доброму усмехнулся Кирилл Мефодьевич. - В своем роде правда... Так что, если вы, Лиза, - резюмировал он, прихлопнув ладонями по коленям, - рассчитываете, что с помощью так называемой телепатии, - это слово он произнес «по-медицински», с ударением на последний слог: «телепати?и», - сумеете узнавать чьи-то сокровенные тайны,

вы глубоко заблуждаетесь... Ничего там, – волшебник постучал указательным пальцем себе по лбу, – интересного нет. Мысли вообще читать нудно и бесполезно. Гораздо интереснее следить за невербальной коммуникацией. Невербальная коммуникация – это жесты, движение туловища, головы, зрачков...

– Спасибо, я знаю, что такое невербальная коммуникация, – усмехнулась Лиза.

– Да вы не только знаете, что это такое! – горячо воскликнул Кирилл Мефодьевич. – Вы и расшифровывать эти знаки наверняка умеете. Я вижу: вы девочка чрезвычайно талантливая. Ну вот, например, скажите мне: вы можете определить, когда вам лгут?

Вопрос прозвучал серьезно, и Лиза задумалась.

– Ну... – сказала она неуверенно. – Если человек хорошо знакомый, я часто догадываюсь... А если незнакомец – то нет.

– Неправда, – жестко сказал Кирилл Мефодьевич. – Когда вам врет близкий человек, вы можете его разоблачить не часто – а ВСЕГДА. Именно вы, Лиза. Вы просто иногда боитесь признаться себе, что он лжет. Вам удобней верить.

– С чего вы так решили? – прищурилась Лиза.

– Я же вижу, – пожал плечами колдун. – У вас большие способности. Оч-чень большие. Поверьте мне.

– Что толку с моих способностей? – улыбнулась Лиза. – Мысли читать, вы сами сказали, неинтересно. Тем более если мужики, как вы говорите, все равно думают об одном.

Колдун развел руками.

– Ну, это я говорил о телепатии. А ведь на свете есть еще множество других удивительных и порой приятных способностей. Способность к суггестии, например, – то есть внушению. Или к телекинезу – то есть умению перемещать предметы усилием мысли. А еще есть левитация... Биоволновая терапия...

Исполнение желаний, наконец...

- О, это мне подходит, - оживилась Лиза.

- Исполнение желаний - оно всем подходит, - усмехнулся чародей.

- А вы умеете это делать? Желания исполнять?

- Н-ну, дорогая моя, - развел руками маг.

Теперь он выглядел исключительно строго, и если весь предыдущий разговор Лиза еще могла воспринимать как шутку или фарс, то теперь ей показалось, что колдун говорит всерьез. Чрезвычайно всерьез.

- Исполнять желания может один человек на миллион. Точнее - одна женщина на миллион. Для этого ведь необычайные способности нужны. Да и тренировки кое-какие. Плюс сразу возникает вопрос: какие исполнять желания? Исполнимы ли они в принципе?

Кирилл Мефодьевич строго, испытующе оглядел Лизу.

- Вот вы, к примеру, - продолжил он. - Вы лично зачем ко мне пришли? У вас какое имеется желание? Деньги? Мужчина? Розыск кого-то?

Глаза мага давно перестали усмехаться. Они словно шурупчиками буравили мозг Лизы.

Внезапно краска бросилась ей в лицо. Стало невозможно страшно даже выговорить свое желание. Куда только делись ирония и нахальство!

- Н-ну... - выдохнула она (словно с высокого моста в реку бросалась!). - Мне очень нравится один парень... И я бы... - Голос дрогнул. - Я бы очень хотела с ним... Я бы хотела его...

Она прикрыла глаза - «проклятый колдун: смотрит, словно все мозги бреднем прочесывает!». И последние слова она произнесла тихо-тихо, словно дуновение воздуха:

– ...приворожить.

Собеседник сделал паузу – и непонятно было, расслышал он или нет. Но он прикрыл глаза и еле заметно кивнул – значит, все-таки слышал.

Повисла пауза – именно повисла: большая, словно люстра. Будто всю комнату собой заняла.

– Ворожба. Волхование, – серьезно проговорил чародей, задумчиво глядя поверх Лизиной головы. – Вы пришли куда надо. Да только напрасно пришли... Вы ведь и сами можете...

– Я? – потрясенно воскликнула Лиза. – Могу? Что я могу?

– Да все вы можете. Я это вам потому говорю, что вы, Елизавета, на меня сильное впечатление произвели... Никому б другому я об этом не сказал... И деньги бы взял, и поворожил, и приворотное зелье б дал... И все б подействовало как миленькое... Но ведь у вас-то, Лиза, у самой такое поле – поверьте мне! – что вы можете безо всякой моей помощи обойтись. Приворожите вы и сами ваш предмет в два счета. И бегать будет за вами, и надоест еще.

– С чего вы взяли? – пробормотала Лиза.

– А вот пожалуйста.

Кирилл Мефодьевич вскочил со своего места и подбежал к стулу, на котором сидела Лиза. Отодвинул стул, помог ей подняться. Подвел ее к ампирной кушетке. Рядом с нею Лиза заметила небольшие напольные весы.

– Вставайте, – решительно приказал колдун.

– На весы?

– Да-да.

Лиза пожала плечом – зачем, мол, это надо, – но на весы встала.

Стрелка дернулась, заскакала, а потом замерла.

Кирилл Мефодьевич всмотрелся в цифру и удовлетворенно произнес:

- Ну вот. Я же говорил!

- Что?

- Вы весите пятьдесят два с половиной килограмма.

- Ну, и что это значит?

- После, - отмахнулся колдун. - После объясню. Ложитесь! - Он решительно указал на кушетку.

Лиза замаялась.

- Ложитесь-ложитесь. Не бойтесь. Ничего я с вами не сделаю. И больно не будет.

Лиза нерешительно присела.

- Давайте. Это важно, - поторопил ее колдун.

Лиза откинулась на подушку.

- Закройте глаза.

Она зажмурилась. Было боязно, как перед незнакомой процедурой у врача, - однако она доверяла Кириллу Мефодьевичу: за время их разговора маг окончательно расположил ее к себе.

Колдун протер ее виски чем-то щекочуще влажным и остро пахнущим - кажется, спиртом. Затем - Лиза в этот момент полуоткрыла глаза - надел на ее голову нечто вроде шлема. Проводки от шлема тянулись к стоящему у кушетки прибору, похожему на осциллограф.

– Что вы хотите делать? – спросила Лиза.

Кирилл Мефодьевич оставил ее вопрос без ответа.

Приладив электроды на ее висках, лбу и затылке, он внушительно сказал:

– А сейчас, Лиза, вы уснете. – И скомандовал: – Смотрите сюда.

Лиза распахнула глаза и увидела в пальцах Кирилла Мефодьевича небольшой железный шарик, как от детского бильярда. Шарик тускло мерцал в свете люстры.

– Расслабьтесь, – проговорил колдун. – Вы чувствуете, как ваши ноги теплеют и наливаются тяжестью... Теплеют и становятся тяжелыми руки... Я начинаю отсчет, и на цифре «десять» вы уснете... Раз... Смотрите на шарик! Только на шарик!.. Два... Три... Голова становится тяжелой. Мысли путаются... Пять... Шесть... Глаза потихоньку смыкаются... Вы чувствуете тяжесть во всем теле...

Восемь, девять... А теперь – десять! Спать!

И Лиза провалилась в глубокий темный мешок.

ЛИЗА И КОЛДУН. ПРОБУЖДЕНИЕ

Пробуждение оказалось легким и веселым. Кирилл Мефодьевич сидел у ее кровати и улыбался.

– С добрым утром, – проговорил он. – Вы спали двенадцать минут. Что вам снилось?

– Ничего.

– Охотно верю. Давайте я вам помогу.

Кирилл Мефодьевич снял с Лизиной головы шлем с электродами и помог ей подняться.

- Пожалуйста, присаживайтесь за стол.

В руках у экстрасенса была бумажная простыня, испещренная резкими линиями и числами. Он бегло, но внимательно просмотрел ее и произнес будто бы про себя:

- Как я и думал... Прекрасно... Просто прекрасно...

- Что вы там увидели? - спросила, улыбаясь, Лиза.

- Увидел, что вы, Лизонька, можете.

- И чего же я могу?

- Многое. Очень многое.

- А именно?

- Во всяком случае, волхование, за которым вы пришли ко мне, для вас для самой уже детский лепет. Дар вам дан. Огромный дар! Только вы им никогда не пользовались. И потому робеете, боитесь, трепещете...

- Да откуда вы знаете? - прошептала Лиза.

- А вижу. Имею счастье наблюдать, сколь далеко ваши способности простираются... И научное подтверждение, - он кивнул на листок с распечаткой, - моей гипотезе уже имеется. Поэтому, что касается приворожить... Да с вашими внешними данными... С вашей красотой, уверенностью в себе и умом... Это вам самой пара пустяков... Уж уверяю вас...

- Так ведь не получается, - досадливо сказала Лиза, и даже слезы выступили у нее на глазах.

– Ворожение вообще, – по-прежнему, казалось, не слушая ее, разглагольствовал чародей, – штука чрезвычайно незатейливая... Ох, если б вы знали, ско-олько у меня тут, – и он трагикомично схватился за голову, – побывало красных де?виц, а пуще – замужних матрон!.. И всем подавай приворотное зелье. Каждой! И невдомек им, что во всяком, отдельно взятом случае приворотное зелье – особенное...

Колдун оборвал сам себя и пояснил:

– Я вам, Лиза, это не только потому рассказываю, что вы мне глубоко симпатичны, но еще и потому, что вы сами очень сильны... И любую мою обманку – так сказать, плацебо – раскроете... А если о приворотном зелье говорить – то в каждом случае рецепт свой... И безо всякого волшебства... Просто элементарные женские хитрости. Ими всякая, даже самая бесталанная, владеет – да только раскрепоститься боится... Один, к примеру, объект приворота, – Кирилл Мефодьевич саркастически выделил последние слова, – пришел к ней с мороза, заледеневший... Ну, так завари ему своими руками горячего крепкого чаю... Сахару насыпь от души... Подай в стакане

с серебряным подстаканником – именно в подстаканнике и именно в серебряном... А другой друг вожделенный, – маг опять иронически усилил эти слова, – километр по жаре пробежал... Значит, колодезной воды ему надо дать, ледяной, в жестяном ковшике... И опять-таки – своими руками... И в глаза ему посмотреть... И к плечу чуть-чуть прикоснуться... А третий, к примеру, – затейник, балагур, озорник. Значит, на поверку в глубине души – особь пугливая, мнительная, в себе неуверенная... Такому надобно коктейльчик смешать, очень сладкий да алкогольный... Что-нибудь эдакое с «Кюрасао» или с ликером «Малибу»... Алкоголь в малых дозах – и вы это прекрасно знаете! – его боязнь неудачи растворит, глюкоза настроение повысит... Ну, а лучше всего...

Кудесник озорно сверкнул глазами.

– Лучше всего на мужчин в качестве приворотного зелья действует водочка. И многие российские матроны, на свете немало пожившие, интуитивно этим пользуются...

Лиза теперь не могла разобрать: всерьез говорит так называемый маг или разговор снова принимает шутейный оттенок.

– ...Они, дамы, мужей своих и сожителей целенаправленно спаивают. Спаивают – во-первых, для того, чтобы муж, как собачка Павлова, из ее рук привык зелье получать... Условный рефлекс у него формируют... Во-вторых, чтобы мужчиной легче крутить-вертеть было – потому что пьяница всегда слабоволен... И в-третьих, чтоб тот за пьянство свое комплекс вины всегда испытывал, и при случае она могла бы на этот комплекс надавить побольнее, уязвить мужчину... Да и вообще: пьяным народом, как говаривала императрица Екатерина, легче управлять... Пьянство мужей в громадном количестве случаев инициируется в России самими женами. Как бы горячо супружницы ни утверждали обратного... И это – серьезнейшая социальная, психологическая проблема...

Горячий монолог, казалось, завел Кирилл Мефодьевича. У него даже бисеринки пота на лбу выступили.

– А вы говорите: «приворотное зелье»... – Колдун перевел дух, усмешливо махнул рукой. – Да для вас, дорогая Елизавета, приворотное зелье – такой пустяк, что не стоит нам с вами об этом даже и говорить... Да неужели прикажете вам какой-нибудь подкрашенный чай давать да с дурацкими заклинаниями!.. Сами вы со всем справитесь, и все у вас наверняка получится... Своими силами. Только поверьте в себя!

Кирилл Мефодьевич поправил рукой свои пегие волосы, слегка растрепавшиеся в процессе горячего монолога.

– Да почему вы так во всем этом уверены?! – воскликнула Лиза.

– Да вижу я, вижу!

– Что вы видите?

– И денег я с вас ни в коем случае не возьму, – не ответил на ее вопрос экстрасенс.

– Почему это?

– Потому что вы мне за визит другим оплатите.

- Чем же это? - нахмурилась Лиза.

- Тем, что при случае я сам к вам обращаюсь. За помощью.

- В чем это?

- Да в самых сложных случаях.

- В каких таких случаях?

- Человека, к примеру, пропавшего искать... Любовника, который жену возненавидел, снова любящим сделать... Мало ли их бывает, таких случаев, почти безвыходных...

- Да не смогу я ничего такого! - возмутилась Лиза.

Но колдун только усмехнулся и торжественным тоном закончил:

- Все вы, дорогая Елизавета, сможете. Потому что вы - настоящая, стопроцентная, прирожденная и чрезвычайно сильная ВЕДЬМА.

ЛИЗА. ПОТрясение чувств

«Да врет он все, этот Кирилл Мефодьевич! - думала Лиза по дороге домой. - Тоже мне, колдун, экстрасенс, ведьмак со стажем! Энцефалограф купил, камин затопил и строит из себя профессора кислых щей. А сам такую дичь несет, что чертям тошно... Впрочем, как раз черти от его слов должны радоваться...»

Метро торопилось домой, на конечную станцию «Выхино». Поздно, пассажиров мало, никаких злобных бабок, испепеляющих взглядами тех, кто не уступает места. Можно спокойно улыбаться мешанине мыслей. А парень, что сидит напротив, наверное, думает, что она улыбается ему...

«Итак, я – ведьма, – продолжала развлекать себя Лиза. – Ну-ну... Значит, я могу внушать людям? Заказывать им разные желания? Как это говорил колдун: суггестия... Вот прикажу-ка я этому парню, что на меня глаза пучит: пусть встает на колени! Прямо передо мной – здесь, в поезде! Пусть бухается! Пол вроде не очень грязный... То-то народ в вагоне развлечется...»

Она прикрыла глаза. Сосредоточилась на парне. Стала посылать ему мысленный импульс.

«Я тебе нравлюсь. Нравлюсь безумно. Ты для меня готов на все! Встань на колени, ползи ко мне по полу, целуй мои ноги!»

И парень-попутчик вдруг действительно поднялся со своего места. И – пошел к ней! Через вагон – к ней!

Подошел, склонился, дыхнул перегаром:

– Привет, малютка!

– Гуляй... папаша, – ледяным тоном отрезала Лиза. И еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Да уж, она та еще ведьма! Внушаешь одно – а на выходе получаешь совсем другое...

Но, как учили в свое время на спецкурсе по маркетингу, единичный эпизод – скорее случайность, чем отражение закономерности.

А для того, чтобы убедиться в тенденции, требуется проделать как минимум три эксперимента. В метро она, кстати, вспомнила, что кот, наглый Пират, опять сидит без хавчика. А бабушка себя неважно чувствует и на улицу пока не выходит. И наказывала ей вчера вечером: «Мы с тобой, Лизонька, голодными не останемся, а Пиратику ты что-нибудь купи. А то вопить будет».

Что ж, придется покупать. Хорошо, что на площади у метро открыли ночной зоомагазин.

Лиза заглянула в кошелек – в тщетной надежде, что у нее, ведьмы с неординарными способностями, вдруг обнаружится, откуда ни возьмись, куча

неучтенных рублей.

Увы.

Лиза вздохнула – никак она не научится жить «от зарплаты до зарплаты»... Один субботний загул с Сашхен чего стоит!..

Значит, опять придется менять баксы. Она вытащила из секретного кармашка заначку – десять долларов. «Ну вот, планировала на крем их оставить, а менять приходится за ради кота. Разойдутся, значит, по пустякам: на Пирата, обед да на мороженое. А кожа моя бедненькая начнет увядать».

Погибающая заначка подкинула новую мысль.

Лиза зашла в обменку – единственную в их краях. Кассирша здесь – самая противная во всей Москве. Всегда или наорет, или с такой силой потянет к себе лоток, что пальцы чуть не прищемит.

«Такую и наказать приятно», – решила Лиза.

Она протянула ей свою десятку и принялась внушать сквозь окошечко: «Ты видишь перед собой сто долларов. СТО. Ты смотришь на жирного Франклина, проверяешь полоску, водяные знаки...»

– Нет у меня пяти рублей! – рявкнула кассирша. – Должна тебе буду. – И с грохотом выдвинула лоток, где лежали двести восемьдесят рублей.

Лиза вздохнула. Какая из нее ведьма – простейшую вещь не может внушить! Мало того, что кассирша поменяла ей десятку, а совсем не сотню – еще и обсчитала на пятерку...

Зато девушка в зоомагазине, когда Лиза покупала «Кети кэт», наоборот, дала ей сдачу не со ста рублей, а с пятисот – хотя Лиза той ничего и не внушала.

«Эх ты, балда, себе в убыток работаешь, – подумала Лиза о продавщице. – Устала, наверное... Хотя я бы тоже обалдела – по двенадцать часов возиться с вонючими кормами».

Было даже искушение забрать деньги и спешно ретироваться с неожиданным прибытком, да только Лиза взглянула в усталые глаза продавщицы, на ее простенькое колечко из мутного серебра и честно сказала:

– Девушка, вы себя обсчитали... Я ведь вам сто рублей давала, а не пятьсот.

Продавщица рассыпалась в благодарностях:

– Спасибо вам. Спасибо! К концу дня так устала, что ничего не соображаю!

И в знак признательности презентовала Лизе пакетик сухого корма: «На утруску спишу».

От корма Лиза не отказалась.

«Да уж, ну и возможности у меня открылись!.. – иронизировала она про себя. – Как там колдун говорил? Я – стопроцентная, врожденная и чрезвычайно сильная ведьма? Вот так ведьма! Одним только «Фрискасом» халявным разжилась. И то случайно».

Лиза забросила кошачьи корма в пакет, улыбнулась на прощание продавщице – похоже, в зоомагазине у нее теперь появился блат! – и отправилась на охоту за наземным транспортом.

Ну, как всегда: на автобусной остановке – толпа, а к маршрутке змеится очередь.

«Разве так должны жить настоящие ведьмы? Те, у которых «беспрецедентные», как сказал этот шарлатан, возможности? Да будь я ведьмой, уж, наверное, наколдовала бы себе замок где-нибудь на взморье – с видом на океан и со всеми удобствами. Или, на худой конец, на метле к себе в Новокосино летала б».

Но метлы, увы, у Лизы не имелось. А Новокосино – район, безусловно, неплохой, но – для тех, кому не надо ежедневно ездить на работу. Для пенсионеров или для мамаш с колясочками. Тихо, неспешно – будто и не Москва. Сиди себе во дворике или прогуливайся вокруг Николо-Архангельского кладбища. Но для тех, кто постоянно задерживается на работе или хотя бы изредка ходит в ночные

клубы, Новокосино решительно для житья не подходит. Автобусы с маршрутками ходят кое-как и то и дело застревают в пробках. А у таксистов, слышащих слово «Новокосино», делается тако-ое лицо...

Лиза давно пыталась обменять их с бабушкой квартирку на что-нибудь более близкое к центру. Регулярно подавала бесплатные объявления, расписывала в них «шикарную экологию и полную инфраструктуру». Но то ли ее тексты не достигли рекламного совершенства, то ли район на самом деле был настолько плох – ни одного достойного предложения им с бабушкой не сделали. Однокомнатная квартирка в Капотне не в счет. Вот и приходилось каждый день штурмовать автобусы или

по двадцать минут ждать очереди на маршрутку...

Но сегодня Лизе повезло. Ушлый маршрутник загрузил в свой автомобильчик порцию пассажиров – Лиза в их число, разумеется, не вошла, дай бог в третью машину втиснуться – и стал предлагать:

– Внимание! Одно стоячее место! Есть желающие?

Пока люди в очереди соображали, стоит ли пятнадцать минут трястись в полусогнутом положении, Лиза быстренько обошла нерасторопных и вскочила в маршрутку. Ничего. Постоит. Зато домой побыстрее приедет – бабушка, наверное, ее уже заждалась, наверняка ужин раза два разогревала...

Водитель маршрутки приказал Лизе:

– Когда ГИБДД проезжать будем, ты пригнись.

А то у меня лицензию отберут.

– И надо бы, – пробурчала тетка, которой Лиза уже два раза наступала на ногу. – Развели тут бардак...

– Извините, – пробормотала Лиза, тщетно пытаясь устаканиться поудобней.

– Иди ко мне на ручки, – предложил подвыпивший парень. – Доедешь, как королева.

– Лучше ко мне, – подхватил дяденька в летах.

М-да, а вот в его возрасте кадриться к девушкам уже стыдно. Впрочем, что поделаешь – весна. Мужик московский активизировался – так и норовит прицепиться. Прямо хоть коротких юбок не носи!

«Нет уж. Не дождетесь!» – решила Лиза. И вспомнила, как на бизнес-курсах учили: «Никогда не отказывайся ни от каких предложений. Потому что любые, даже сомнительные возможности, если их правильно трансформировать, можно использовать себе во благо».

Лиза сдержанно улыбнулась обоим «кавалерам» и обоим использовала: молодому пьянчуге отдала держать пакет с кормом, а пожилому, более благонадежному, – сумку с кошельком, паспортом и мобильником. Ну а когда руки свободны – можно и постоять. Даже крутые виражи – маршрутник гонит, по позднему времени, во всю прыть – не страшны. Всегда успеваешь ухватываться за поручни или спинки кресел.

Лиза настолько освоилась со своим стоячим местом, что даже принялась пассажиров рассматривать.

Ей нравилось наблюдать за людьми. Угадывать, кто из них кто. Где кто работает, с кем живет, в кого влюблен, чем опечален. Та тетка, которая желала водителю, чтоб у него отобрали лицензию, – наверняка школьная училка. Безмужняя – слишком уж цепко бурит глазами пассажиров-мужчин. И еще у нее дома кот живет – потому как она с ученым видом знатока рассмотрела этикетки в Лизином «кошачьем» пакете. А пожилой дядечка, что предлагал Лизе проехаться у него на руках, – наверное, сотрудник НИИ. С занудой-женой и тощей зарплатой. Припозднился – возможно, отмечали на работе чью-нибудь никому не нужную защиту. Теперь торопится домой и прикидывает, как оправдаться перед супругой за поздний приход и выхлоп изо рта...

А вот что в маршрутке делают два индуса – самых настоящих, в чалмах, – решительно непонятно. Неужели едут в гости – так поздно? Или они квартиру в Новокосине снимают?

Лиза внимательно поизучала индусов, но так и не поняла – кто они и как очутились в поздней маршрутке. Прислушалась к разговору, что вели между собой иностранцы, но толку из этого не вышло – мужики говорили на хинди. Или – на суахили, Лиза в языкознании была не сильна. В общем, совершенно ничего не понятно.

Ну и ладно, бог бы с ними. Лиза оставила пассажиров в покое и снова задумалась – так, ни о чем. Догадалась ли бабушка, что на ужин ей хочется оладьев (обычно старушка всегда угадывала, чем порадовать внучку). Не порвали Пират ее колготки, которые она неосмотрительно бросила на спинке стула (котяра обожал точить когти о чулочно-носочные изделия – желательно новые).

«Уверю: тебе она понравится. Настоящая русская красавица: коса, голубые глаза, полные руки. – Пока она мне не нравится ни грана. – Почему? – Да потому, что живет слишком далеко. Мы едем в этой машине уже десять минут, здесь душно и жарко, и вот эта девица постоянно норовит оттоптать мне ногу...»

Лиза вздрогнула. Откуда в голове вдруг взялся этот диалог?

Она стряхнула с себя наваждение, еще раз оглядела маршрутку. Все пассажиры едут молча, смотрят – кто в окошко, кто в пол. Только два индуса тихонько шепчутся – на своем хинди. Или на суахили.

Лиза напрягла слух: да, совершенно непонятные певучие фразы. Но голоса – очень похожи на те, что только что звучали в ее голове. Ерунда какая-то получается. Лиза еще раз вслушалась в речь индусов – и в голову вдруг снова явился прямой перевод:

«Я советую тебе: не женись на ней просто так. Потребуй от нее брачного контракта. Потому что русские девушки – все себе на уме. Посмотри хотя бы вот на эту: глазами так и стреляет».

М-да, реплика, кажется, в ее адрес.

Лиза наградила индусов презрительным взглядом и отвернулась.

Она решительно ничего не понимала. Это что же получается – иностранцы говорят то на своем языке, то на русском? Но по ним совсем не похоже, что они знают русский. Да и не стали бы они говорить о попутчице, которая стоит рядом и все слышит, если б не были уверены, что их никто не поймет.

Но только... Что же тогда получается? Что происходит? Похоже, она вдруг стала понимать по хинди? (Или надо говорить – «на хинди»?) Ну и ну. Бред какой-то.

Но если она вдруг понимает – что, конечно, чрезвычайно сомнительно, – как тогда сказать этим индусам, что у нее и в мыслях не было в них глазами стрелять? Нужны они ей сто лет!

Ну-ка, давай-ка, скажи!

«Не знаю я, как это сказать по-индийски, – признала Лиза. – И вообще ни единого слова на этом языке не знаю. Но я ведь понимала их, понимала от слова до слова! Будто в мозгу программа-переводчик включалась... А может, это просто глюк какой-то? Хотя у меня сроду не бывало никаких глюков... Даже после того, как я три рюмки абсента выпила...»

Она совсем растерялась.

– Приехали! – провозгласил маршрутник.

Лиза забрала у добровольных помощников свои сумки и выскочила первой.

«Быстрее домой. И расспросить бабушку, что за ерунда со мной приключилась... Нет, не годится. Бабуля скажет – по-современному, как я ее научила: «Недостаточно данных». И будет, между прочим, права».

И Лиза осталась стоять на остановке. Отклонила предложение проводить ее до дому – с ним выступил подвыпивший парень – держатель кормов. Улыбнулась на прощание престарелому кавалеру – тому, кто хранил ее сумку с кошельком. И дождалась, покуда из машины выйдут индусы. Решительно приблизилась к ним и спросила:

- Excuse me. Do you speak English?[З - Извините. Вы говорите по-английски? (англ.)]

Первый иностранец – тот, что вез своего друга знакомиться с невестой, – посмотрел на нее заинтересованно. Второй – который говорил о коварстве русских девушек, – впился в Лизу подозрительным взглядом. И насмешливо ответил по-английски:

- Да, говорим. Мы чем-то можем вам помочь?

Лиза не обратила внимания на иронию в его голосе.

- Скажите, по дороге вы говорили на хинди?

Индусы дружно кивнули.

- И вы, – кивок в сторону первого иностранца, – рассказывали другу о своей русской невесте, а вы, – легкий поклон в сторону второго, – предостерегали его от ушлых русских девушек?

Лица индусов вытянулись.

«М-да. Значит, я все поняла верно».

И Лиза нанесла завершающий удар:

- А еще вы говорили о том, что я стреляю в вашу сторону глазами, верно? Так вот, мальчики, – она намеренно употребила это слово, по-английски звучащее слегка уничижительно – «boys». – Довожу до вашего сведения, что меня никогда не интересовали люди в чалмах. Вроде вас. Так что давайте, мальчики! Оревуар. Хинди, руси – пхай, пхай!..

А теперь – гордо развернуться на каблуках и царственной походкой направиться прочь. И услышать в спину недоуменное – на понятно-непонятном языке: «Но если она понимает хинди – почему же обратилась к нам по-английски?!»

ГЛАВА 4

ЛИЗА. УТРЕННЯЯ ГОРЯЧКА

Утром, при свете дня, все происшедшее вчера – и экстрасенс с Патриарших, и странный разговор с ним, и его пророчество о том, что она ведьма, и внезапно открывшееся в ней знание хинди – стало казаться Лизе сном: чудным, но не страшным. «Забавное приключение – и ничего больше», – решила Лиза и выкинула вчерашние события из головы.

Она, как всегда, проспала будильник и, как всегда, металась по квартире, собираясь. Бабушка в такую рань спала (она вообще взяла моду спать до часу, до двух дня), и только Пират мотался у Лизы под ногами, выпрашивая ежеутреннюю подачку.

– Отстань, зверь. Не до тебя, – отмахнулась от кота Лиза. – Ты что, не видишь: мне самой завтракать некогда?

Куда важнее, чем утренний кофе, другой вопрос: что ей надеть? Сегодняшнее утро – яркое, солнечное, совсем весеннее – как бы уговаривало Лизу «прогулять» обновку: ярко-красную, в земляничинах, блузку от «Дольче-Габанны». Лиза не стала бороться с искушением. Но в последний момент обнаружилось, что блузка с заломами и (как пишут в бульварно-безграмотных романах) «нуждается в глажке». Лиза метнулась из кухни в комнату, к утюгу и доске. Напоролась на Пирата, разлегшегося у своей миски в ожидании завтрака, и наступила ему на какую-то часть тела – кажется, на хвост. Тот заорал так, будто ему как минимум голову отрезали. Лиза сморщилась от кошачьего вопля и в сердцах выругалась: «А, чтоб ты провалился!» Потом легонько пнула кота ногой. Пират обиженно унесся куда-то в недра квартиры.

Несколько взмахов утюга – и блузка приведена в идеальное состояние. До чего же приятно одеваться в новенькое-свеженькое!.. Однако Лиза взглянула на часы и обнаружила, что уже двадцать минут девятого.

Опоздание приобретало угрожающий характер. Спешно набросив пальто, она выскочила из квартиры и понеслась к остановке маршрутки.

И только угнездившись в пропахшем бензином чреве маршрутного такси, Лиза сообразила, что сегодня Пират, против обыкновения, не вышел в коридор ее провожать. Даже после своего бегства никак не напомнил о себе. А она позабыла высыпать в плошку корм. «Ох, и задаст же Пират концерт бабушке!» – мимолетно подумала Лиза и тут же забыла о кошатине. Сегодня ее ждали гораздо более важные проблемы.

Например, Ряхин.

ЛИЗА. КРАСАВЧИК

Одним из бесспорных достоинств Лизиного места работы было ее месторасположение. Добираться – чрезвычайно удобно, потому что институт «Сельпроект» (и снимавший в нем помещение концерн «Стил-Оникс») располагался всего в трех автобусных остановках от метро «Выхино». Из Новокосина до «Выхина» мчишься на маршрутке, а от метро можно и пешком пройти: ведь прогулка перед работой, как пишут в книге «Сто минут для красоты и здоровья», дело необычайно полезное.

Одна беда: полчаса на утреннюю прогулку у Лизы никогда не выкраивалось. Приходилось добираться от метро на автобусе – а ходил он чрезвычайно нерегулярно. Вот и сейчас, прискакав на остановку, Лиза застала на ней только трех-четырех пенсионеров, скорбные лица которых свидетельствовали, что они настроены на героическое ожидание. А времени-то было уже без семи девять.

Обычно в подобных тупиковых случаях Лиза, не колеблясь, призывала частника. Асфальтовые джигиты охотно подвозили ее, сдирая по сорок рублей. Но теперь, после субботнего загула, денег у Лизы оставалось кот наплакал, и ее принялась душить жаба. Вот так взять и отдать сороковник за две минуты езды!.. Может, все же заняться здоровьем да красотой и пошлепать пешком? Погодка-то чудная, ясная, свежая – но к девяти она точно не успеет, а Ряхин очень ревностно относится ко всяческим наружным проявлениям рабочего рвения и за четвертьчасовое опоздание выговорит всенепременно...

Пока Лиза рефлексировала, бесплодно прошло еще две минуты, и часики показывали уже без пяти девять. Непонятно, чего она раздумывала, – ведь альтернативы в лице автобуса не видно даже на горизонте. А если он и придет, все равно не успеет дотащить ее вовремя. И все-таки Лиза медлила, не голосовала. Частники-азербайджанцы, тусовавшиеся в отдалении, с недоумением на нее посматривали: «Вах! Стоит красивый, модный девушка – и автобуса ждет, как будто пенсионер!»

Все доводы разума были за то, чтобы немедленно ловить бомбилу, однако неведомая сила удерживала Лизу. Прямо «клин» какой-то. Временное размягчение мозга и помутнение сознания.

Когда Лиза все-таки призвала себя к рассудку и вытянула руку к проезжей части, было уже без четырех девять. Опоздание – критическое, даже «джигит» и тот не успеет домчать. И в этот момент подле нее взвизгнули тормоза.

У тротуара остановилась «восьмерка» цвета «баклажан», и улыбающийся, чем-то знакомый парень выглянул из нее, обращаясь к Лизе на «ты»:

– Садись, прекрасная дама!

Пенсионеры злобно воззрились на Лизу, она даже услышала отдаленное шипение: «У-у, ш-шлюха». Непроизвольно Лизхен сделала несколько шагов в сторону «восьмерки» и только тут поняла, откуда знает веселого водилу: ведь это был он, Красавчик из отдела продаж.

Мужчина мечты открыл ей пассажирскую дверь. Лиза села в машину. Странно, но она воспринимала случившееся как само собой разумеющееся: словно она только и ждала, что перед ней остановится он, Красавчик, о котором она до сегодняшнего дня могла только мечтать.

– На работу опаздываем? – широко усмехнулся водитель.

– Опаздываем, – весело согласилась Лиза, оказавшись в полутьме машины.

– Со мной не опоздаешь, – самоуверенно обнадежил он и нажал на газ.

Водитель явно не жалел своей машины или хотел произвести на Лизу впечатление (вернее всего, конечно, последнее). Ускорение вдавило ее в спинку сиденья. Ветер засвистал в незакрытых окнах – весенний, многообещающий ветер. Стрелка спидометра стремительно стала крениться к ста, а мощная кисть Красавчика, не отрываясь, орудовала рукояткой переключения передач: вторая – третья – четвертая – пятая!.. «Восьмерка» неслась по пустынной улице.

Лиза наслаждалась скоростью и счастьем.

Через две минуты, обойдя на повороте древний «ЛиАЗ», на котором трюхали на службу дисциплинированные клерки «Стил-Оникса», «восьмерка» уже вкатилась во двор НИИ. «Он еще и место на офисной стоянке ухитрился получить, пройдоха!» – изумилась Лиза. Авто остановилось со скрипом тормозов. Удалой водитель включил заднюю передачу, как бы случайно задев при этом ладонью Лизину коленку. Оглядываясь через правое плечо, сдал назад. «Восьмерка» одним лихим движением стала как вкопанная, точно на свое место.

– Спасибо, что выручил, – проговорила Лиза, когда водитель повернул ключ зажигания. Раз он сам первый обратился к ней на «ты», то и она имеет право ему тыкать. – Прямо-таки спас меня.

– Тебя спасти – одно удовольствие, – ухмыльнулся шофер.

Он выскочил из машины и отворил перед Лизой дверцу. Она царственно выплыла из автомобиля.

Окна «Стил-Оникса» выходили большей частью во двор, и Лиза могла поклясться: все заметили ее триумфальный выход из машины. Теперь любопытствующие могли думать все, что угодно: вплоть до того, что Лиза провела с НИИМ ночь.

Красавчик запер машину и успел еще придержать перед Лизой двери офиса.

В итоге турникет пробил их карточки ровно в девять, и это было явной удачей – не первой и не последней Лизиной удачей в этот день.

Перед тем, как разойтись по отделам, Красавчик предложил:

– Пойдем в столовку вместе?

– Пойдем, – улыбнулась Лиза.

Сердце ее радостно вздрогнуло. Как-никак, а это уже было подобием свидания.

– У меня обед в два, – сказал он.

– Я тоже к этому времени, наверное, освобожусь.

– Блинчики с мясом, да? – улыбнулся он.

– Легко, – ответила улыбкой Лиза.

– Вот видишь, я запомнил.

– Это хорошо. Ну, пока.

– До встречи.

В свой отдел Лиза влетела как на крыльях.

ЛИЗА. РЯХИН

На самом деле все Лизины страдания по поводу опоздания оказались напрасными: Ряхин прибыл на работу с королевской задержкой в полчаса. Как всегда, букой, ни с кем не здороваясь, проследовал в свой кабинет.

Еще через полчаса оттуда донеслось сипение селектора:

– В тринадцать часов состоится совещание по продвижению обуви «от Усачевой». Быть всем ведущим специалистам. Докладчик – Кузьмина.

Селектор Ряхин поставил в отделе на стол своей confidentке Дроздовой. Несмотря на то что все прекрасно слышали, чего там провещал Ряха, Дроздова торжественно продублировала:

– Аркадий Семенович просит всех ведущих специалистов собраться у него в час дня.

Совещание возникло совершенно некстати – особенно если учитывать, что Красавчик назначил Лизе свидание в два, а заседания у Ряхина имели свойство затягиваться до мамонтовых костей. Вдобавок Лиза никогда не ждала ничего хорошего от любых заседаний с Ряхой, а в этот раз ее терзали особо неприятные предчувствия.

Предчувствия ее не обманули.

Ряха, собрав всех в своем кабинете и важно разложив румяные щечки по плечам, объявил, что «мы собрались по вопросу, чрезвычайно актуальному для концерна в целом: для рассмотрения концепции продвижения на рынке нового брэнда – обуви «от Анны Усачевой». Пораспинавшись еще минут десять по поводу важности проекта, Ряхин дал слово Лизе.

Лиза встала.

– Прошу, пожалуйста, к доске, – пригласил Ряхин.

Среди нововведений Ряхи была привезенная им в кабинет белая доска, на которой следовало писать фломастерами. Выступая на совещаниях, каждый обязан был записывать на ней все самое важное.

Оттого, что Лизу опять, как в школе или кошмарном сне, вызвали к доске, в животе у нее начались спазмы. Ведущие специалисты глазели на нее с опасливым интересом – так зрители передачи «В мире животных» глядят на антилопу, которую вот-вот растерзает лев.

– Как я сообщила вам, Аркадий Семенович, в аналитической записке, – бодро взяла быка за рога Лиза, – концепция, в общих чертах, представляет собой следующее. Так как суммы, выделяемые концерном на продвижение брэнда,

невелики, я предлагаю сосредоточиться на мерчандайзинге, или рекламе непосредственно в местах продаж. В связи с тем, что, по вашим, Аркадий Семенович, данным, мы не можем рассчитывать на участие в кампании самой звезды, есть предложение задействовать ее вторичные образы...

– В общем, вторсырье, – негромко заметил Ряхин индифферентным тоном. Ряхинские прихлебатели верноподданнически заулыбались.

Лиза не дала себя сбить.

– Фирменные магазины «Стил-Оникса», – продолжила она, – через которые мы намереваемся осуществлять основную долю продаж обуви «от Анны Борисовны», планируется снабдить большим количеством мерчандайзингового материала. На входе каждого покупателя будет встречать огромный плакат с портретом звезды – на нем будет размещен также слоган рекламной кампании и факсимиле артистки. Хочу заметить, что создание конкретного слогана – задача второго этапа разработки концепции...

– Какой еще второй этап? – нахмурившись, спросил Ряхин. – Вы что, не доработали концепцию до конца?

– Мы всегда занимались конкретикой во вторую очередь, совместно с отделом рекламы, – защищаясь, ответила Лиза.

– Вот как? – поднял бровки он. – А у вас-то у самой есть хоть какие-то предложения?

– Н-ну... – запнулась Лиза, лихорадочно соображая. – Хотя бы, например, такой: «Всегда ваша Анна». И ниже – факсимиле звезды.

– Зафиксируйте, – кивнул на доску Ряха.

Лиза послушно записала фломастером на белой доске: «Всегда ваша Анна».

Ряхин, скептически оттопырив губу, пару секунд глядел на запись, а потом, апеллируя к собравшимся, проговорил, морщась:

– По-моему, не катит.

Дроздова, главная ряхинская подхалимка, немедленно подхватила:

– Да-да, чересчур безыскусно.

– А, по-моему, простенько, но очень стильно, – объявил с места Берг, первый Лизин защитник.

Ряха, скривившись, глянул на Берга, а затем милостиво позволил:

– Ну, ладно. Продолжайте, Кузьмина.

Лиза, стараясь оставаться хладнокровно-спокойной, проговорила:

– Портрет и факсимиле звезды планируется также разместить в местах продаж на баннерах, стикерах и воблерах. Но этого мало!.. Все в магазинах должны напоминать покупателям об Усачевой: ее портреты мы поместим и в витринах. Ее изображения нанесем на блюдечки для мелочи у касс, на значки на лацканах продавцов. И – на ложечки для переобувания. Даже на коврики, на которых покупатели будут мерить обувь. А по магазинной трансляции будут постоянно звучать песни Усачевой. И каждому десятому покупателю станем вручать бесплатный подарок: компакт-диск с записью последнего альбома звезды...

Берг, поддерживая Лизу, смотрел на нее во все глаза.

Ряхин в своем начальственном кресле изображал скепсис.

– Кузьмина! Нет ли у вас у самой ощущения перебора? – перебил ее он.

– Рекламы много не бывает, – парировала Лиза.

– А, по-моему, вы, увлекшись мерчандайзингом, упустили прочие способы продвижения бренда. Вы, Кузьмина, затраты на свою программу просчитывали?

– Да. На двадцать восемь наших фирменных магазинов во всех городах страны должно уйти около восьми тысяч у. е.

– И у вас остается всего две тысячи. На что вы их предполагаете потратить?

– Разработка слогана, тестирование плаката вместе со слоганом в фокус-группах...

– Значит, ни на наружную рекламу, ни на пиар, ни на рекламу в общественном транспорте средств не остается?

– А чему там оставаться? Вы разве сами не понимаете, что десять тысяч долларов на раскрутку нового бренда – это архимало?!

Лиза начинала злиться. Как умело начальник прикидывается простачком! Будто сам не понимает, что денег хватит только на рекламу в местах продаж – да и то с трудом. Ряха ее предложению радоваться должен: ведь мерчандайзинг – его конек. Для него слова «стикеры», «воблеры», «баннеры» звучат как мед по сердцу. Она и концепцию писала, отталкиваясь от его вкусов. И вот теперь Ряхин всем своим видом выражает недовольство.

Все понятно: что бы она ни сделала, любая ее концепция обречена на провал. Ряха не забыл, сволочь, как она громила его идею туфельек «от Усачевой» в присутствии генерального директора, и теперь отыгрывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Хэд-хантер – от английского «охотник за головами». Здесь: работник, занятый поиском и трудоустройством работников высокой квалификации.

2

Крайний срок (англ.)

3

Извините. Вы говорите по-английски? (англ.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna-i-sergey/dazhe-ved-my-umeyut-plakat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)